

B. Tyng -

БЕРТ ГУРТУЕВ
ЧАША ДРУЖБЫ

СТИХИ И ПОЭМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС» · НАЛЬЧИК · 1985

С(Балк)2
Г 957

Переводы с балкарского

Г $\frac{4702100000-096}{M 125 (03)-85}$ 39-85

© Издательство «Эльбрус», 1985.

*Прохладный ветер собирает
Под небесами облака,
И первый дождь поля питает,
И гром грозит издалека.*

РЕКА И РОДНИК

— Тебе ли тягаться, скажи мне, со мной? —
Река роднику говорила, —
Мосты я сметала своею волной
И столько людей поглотила!

Вскормленная снегом, стремглав я лечу,
Ворочаю тяжко камнями.
Столетние кряжи, когда захочу,
Волной вырываю с корнями.

И путь мой не близкий. Каких я даров
И грузов каких не носила!
Со мной не тягайся — да кто ты таков?
Под камнем жила твоя сила.

— Права ты, река! — отвечал ей родник. —
Я мал по сравнению с тобою,
Тяжелой волной я греметь не привык,
Полям не грожу я бедою.

Лишь путник далекий воды зачерпнет.
Я — жажды чужой утоленье.
Иль юная девушка в зеркале вод
Увидит свое отраженье.

С любимой джигит надо мною вдвоем —
Счастливые необычайно.
И тихо, и нежно я в сердце своем
Храню их заветные тайны.

ТУМАН

На землю пал тумана влажный дым
И солнце скрыл под пологом густым,
Прилизывая травы и деревья
Прохладным плоским языком своим.

И вот печальным стало все вокруг,
Сгущался темноты широкий круг —
Все поглотилось тяжестью тумана:
И горы, и дома, и дальний луг.

Тумана клубы, воздух голубой
Причудливо сливались меж собой,
Молочные выдавливая капли,
Стелились над притихшею землей.

Поникли травы, листья и цветы
Среди молочной этой темноты.
Но стал туман подрагивать, как будто
Стремясь уйти и спрятаться в кусты.

И кажется — сейчас сама с собой
Затеяла природа тяжкий бой.
Вот поредел туман и утончился,
Стал невесом, как ситец расписной.

Но там его густая полоса
Заполнила низины и леса,
Чтоб уплотниться и совсем остаться,
Не видеть солнца жаркие глаза.

Лучей у солнца — золотой колчан,
Пронзают стрелы белые туман.

И все ясней, все гуще, все сильнее
Пролился день — и молод, и багрян.

Весна и солнце путь закрыли мгле,
Туман растаял в золотом тепле,
Развеялся, растекся, растворился —
Весна вернула светлый день земле.

Густому свету снова нет границ.
Туман ушел, и день вокруг повис,
И лес в зеленом ласковом наряде
Заполнился веселым пеньем птиц.

Добра природа — в этом ее суть.
Весенний воздух щедро входит в грудь,
И на дорогах сложных превращений
Нам солнце дарит свет и добрый путь.

И я одно в душе своей храню,
Чтоб радовались вечно люди дню
И мирному, спокойному сиянью.
Мир ценят люди, в мире мир ценю.

Пою я единенье разных стран
И языков. Исчезнет пусть обман.
И пусть несчастья все и все невзгоды
С земли уйдут, как этот вот туман!

ПОД ЦВЕТУЩИМИ КАШТАНАМИ

Как молоды под ранним солнцем горы!
Вершины отливают серебром.
Я выхожу чуть свет: сверкает город —
И мысли отзываются добром.

Иду по чистой улице. Деревья
Протягивают ветви: «Здравствуй, друг!» —
Мир полон счастья, радости, доверья.
И росы улыбаются вокруг.

Каштаны зацвели. Зеленым строем
Стоят вдоль улиц, льют жемчужный свет.
Их аромат, как молоко парное.
И внятна мне их речь: «Испей, сосед!»

Бодрит прохлада. Грудь свободно дышит.
Мне дарит Нальчик юное тепло.
Пусть мой привет сегодня все услышат:
Предгорья, горы, дальнейе село...

Пусть землякам в больших делах и малых
Везет! Пускай им дышится легко,
Когда каштаны в розовых бокалах
Подносят им парное молоко.

Простор уму, и духу — ликование,
Когда восходит майский день сиять
Соцветьями, — и счастье созидания
Легко возводит быт до бытия.

День отгорит — в мечтах, в трудах, в беседах —
И вновь мой путь среди знакомых мест,

И вновь каштаны — мирные соседи
Кивают мне приветливо окрест.

Ложится синий вечер на округу —
Каштаны, осеняя дом и двор,
Свечей не гасят — и легко по кругу
Течет друзей сердечный разговор.

Цветенье. Радость. Май... Чего желать мне?!
Преддверье лета. Думы высоки.
...Я только мира вам желаю, братья,
Товарищи, соседи, земляки!

ЖИЗНЬ

Озарена душа простором.
Струится с пашни белый пар,
Устремлена к теплу и свету —
Земля во власти вешних чар.

Томленье почек на деревьях,
И снег в низинах, там, вдали...
И рек стремительных течение,
И в светлом небе — журавли.

Все — торжество тепла и света
И пробудившейся любви.
Во мху зеленом деловито
Снуют трудяги-муравьи.

Асфальт — и тот сдержать не в силах
Напора мощного травы.
О камни скал! Течения жизни
Сдержать не можете и вы!

Как гимн необоримой жизни,
Как воплощенье вешних сил,
Березка белая пробилась
Из каменных могучих жил.

Она пустила корни в камень —
И что ей стужа, солнцепек?
Теперь бродить в ней вечно будет
Нетленной жизни терпкий сок.

Когда я шел по перевалу,
Запомнил я березку ту,

Ее задумчивую нежность,
Сродни горянке — красоту.

Я видел ласточек пугливых —
Весны стремительных гонцов.
Они лепили гнезда жизни
Для будущих своих птенцов.

Трава, ковром стелясь в долине,
Блистала зеленью своей,
И раздавался смех счастливый
На ней играющих детей.

Всему, весна, ты дашь начало!
Всей жизни нашей ты — исток!
В твой день счастливый в рост выходит
Ее нетленный стебелек.

И всё ж — мы до седин не знаем
Всей силы юных чар весны.
К закату дней лишь постигаем
Ее пророческие сны.

СТАРОЕ ДЕРЕВО

С пронзительным звоном врубался топор
В древесную чистую мякоть.
Но, гордой вершиной взмывая в простор,
Оно и не думало плакать.

Ты, старое дерево, вынесло всё:
Палящее солнце и стужу,
И ливни, и злобной пурги колесо,
Когда всё безумствуя кружит.

Но были в судьбе и прекрасные дни:
Ты слышало шепот влюбленных,
Они укрывались в заветной тени
Под сенью раскидистой кроны.

А помнишь еще... На могучих ветвях,
Как птиц, детвору ты держало, —
Резвились они, — ты их щебет в полях
К себе, как в гнездо, собирало.

Осенней порой ты роняло листву
В печальные дни непогоды,
Весеннею ранью — рождало листву
Под гимны цветущей природы.

Не раз твое тело и пули секли,
Но ты им друзей укрывало, —
И резвые кони их снова несли
По тропам глухих перевалов.

— Тревожная жизнь! Мы устали так жить! —
Роптали пожухлые листья.

Но ты не умело добру не служить
Душою высокой и чистой.

И пусть он зловец, этот звон топора,
И жить остается — мгновенье, —
Ты в пламени жарком поднявшись к ветрам,
Останешься жить в поколениях.

Я судьбы иные с твоею сравню:
Живут без стенанья и плача,
Хоть их вырубают и жгут на корню
Обида, тоска, неудача...

Когда наступает критический миг,
В котором — и сильный слабеет, —
Они не пускаются в слезы и в крик:
Мгновенно сгорают — не тлеют.

И ВНОВЬ — ВЕСНА

Уж снег прошел и лед растаял.
Лишь солнечным лучам в укор,
Еще он сахарно блистает
На голубых вершинах гор.

Прохладный ветер собирает
Под небесами облака,
И первый дождь поля питает,
И гром грозит издалека.

Поляны, в желтом и зеленом,
Напоминают мне ковер.
С хрустальным мелодичным звоном
Потоки устремились с гор.

За горизонт умчались тучи —
И вновь под солнечным огнем
Идет от пашни пар могучий,
Как это было пред дождем.

Росой победною блистая,
В рост поднимается трава.
Цветы, внезапно расцветая,
Чаруют силой волшебства.

А пахари в заботе старой:
Весь день на пахоте они.
И повели свои отары
На летний выпас чабаны.

Ягнята сытые несмело
Резвятся подле матерей...

Лицо Земли помолодело
От теплых и лучистых дней.

Мыча бредут домой коровы.
У каждой вымя — как луна.
А небеса уже багровы:
Заката высится стена.

И велики заботы птичьи!
Им недосуг глядеться в сны —
Они всю ночь поют величье
Пришедшей радостной весны.

Со всем в согласии, наверно,
Влюбившись в твой прекрасный стан,
Листвой серебряною верба
Его украсила — и стал

Ночной наш мир еще прекрасней...
Ольха, береза и орех
Стоят в сережках желтых, красных...
Кто ярче, кто нарядней всех?..

Вот, в ярко-желтом одеянии,
Нетерпеливый, как джигит
Перед решительным свиданьем,
Кизил листвою своей шумит...

А дуб стоит, росой сверкая.
Он листья медные сронил
И, душных ветров ожидая,
Упрямо голову склонил.

Входи, весна, тебя мы ждали!
Входи, приветствуем тебя!
Пусть на бессмертные скрижали
Природы пишется судьба.

ГУЛ РЕКИ

Золотой бахромой повители
Блики солнца на зелень легли —
И еще омрачить не успели
Тучи ясного лика Земли.

Но тревожно поклоны земные
Отдает весь древесный народ.
И сбивают валы ветряные
Волны Черека в водоворот.

Ветер скачет, накинув на плечи
Белопенный башлык облаков.
А листва все угрюмей лепечет, —
Вот уж край горизонта лилов.

Вот уж сгрудились, словно отара,
Кучевые — к грозе — облака,
И на юг потянулись устало
И медлительно, будто века...

Потемнел небосвод... Затаился
Хитрый ветер, приникнув к земле.
Синий мрак в вышине за клубился,
Загремело в сгустившейся мгле.

Гул реки, предгрозовый, счастливый.
Ветер взмыл, остужая висок...
Первых капель тяжелые сливы
Разбиваются — брызгает сок...

И — пошло! Будто пушки наводят —
И палят, ничего не щадя...
Обгоняя друг друга, проходят
Шумно-серые стены дождя.

Белой молнии росчерк победный
Половину небес зачеркнул —
Черек выдал из глуби ответный,
Небывалый, неистовый гул!

ВОСПОМИНАНИЕ

Душа! Мгновенья эти сбереги,
Как три поэта — закадычных друга,
Чтоб увидеть Хулам и Безеньги,
Тряслись на газике, приветствуя округу.

На острых, словно лезвие, камнях
Автомобиль наш буксовал безбожно!
Горелою резиной он пропах
И пылью припорошен был дорожной.

Бензином оскверняя воздух гор
И шум Черёка приглушив немного, —
Собрав все силы, старенький мотор
Нас вывозил на торную дорогу.

Не ново все: дорога, легковушка...
Хоть нов приезд наш в милые края.
Как будто век в Хуламе не был я!
И все твердил друзьям: — Нас ждет пирушка!

Но друг Керим, смиренный, как ягненок,
С тоской могилы предков озирает.
А друг Кайсын, как маленький ребенок,
Глаз не сводил с вершин нетленных скал.

Я тоже любовался милым краем, —
И постепенно полнилась душа
Восторгом, счастьем встречи и, сгорая
От нетерпения, — вперед рвалась, спеша.

Вот, миновав Хулам и Безеньги,
Приехали мы к горцам добродушным.

И если были у кого враги, —
О них забыли мы совсем под кровом дружбы.

Мы говорили о большом и малом:
Что нужен мир Земле. Душе — простор!
И откровенья мудрых аксакалов
Нам были — как благословенье гор.

...Простились мы с отрадным чувством в сердце
К трудолюбивым горцам и к горам:
Сердечные друзья. Единоверцы:
Их вера в труд, в добро — понятна нам.

И полилась дорога возвращенья...
Прощай, Хулам! До встречи, Безеньги!
Ждет Нальчик нас. Но горные селенья —
Оплоты духа — память, сбереги!

ТУРЫ

Вот туры на скальной террасе лежат.
Их солнце высокое греет.
А выше на гребне могучий вожак
На страже один цепенеет.

Лишь только появится кто-то чужой,
Тревоги сигнал подает он —
И стадо стремится на гребень крутой:
Движенья их схожи с полетом.

Летят на хребет, где парят облака,
Где пули врагов их не сыщут.
Где солнечный ветер им гладит бока...
Но там—ни воды нет, ни пищи...

Все меньше вершин безопасных вокруг.
На каждом хребте, в каждой балке —
Опасность таится: смыкается круг —
Охотникам туров не жалко...

Вот выстрелы прогромыхали в горах —
И солнце склонилось понуро:
Упал со скалы горделивый вожак
И с ним три молоденьких тура.

Жестокие пули усердных стрелков
Красавцев других поражают, —
Подранки, упав меж скальных зубцов,
Беспомощные умирают.

...За что и кому — эта дикая месть?..
И кровь покидает жилы.

Не все, видно, раны — смертельны! Но здесь
Природа помочь им — не в силах!

И кровь, как водица, струится в камнях.
Литые тела коченеют...
Зачем повергаем живое — во прах?!
Зачем так бесслезны злодеи?!

Но если же, раны свои зализав,
Случайно и выживут туры —
Вершины откроются лишь их глазам:
Они для калек — недоступны.

Подстреленный тур погибает в горах.
Но это стрелкам безразлично.
Пекутся лишь, чтоб не оставить в горах
Трофеи, добытые лично.

О серые камни! Вы — в алой крови!
И я ненавижу мерзавцев,
Которые ради пустой похвальбы
Сгубили могучих красавцев.

...Сошли браконьеры к подножью скалы,
Где четверо туров лежали
Среди малахитовой сочной травы
И хрипло предсмертно дышали...

Ножи вынимали, как будто гордясь...
Рука палачей не дрожала!
...И, с пылью мешаясь, землей становясь,
Багровая кровь побежала.

Убийцы как будто вершат ритуал,
Рога измеряют: длинны ли?

Уходят, условясь прийти на вокзал
В субботу пораньше, чем ныне.

Смеются, и думы, видать,—об одном:
Как к турам получше подкрасться,
Вернее убить их, чтоб долго потом
На свадьбах, пирах — похваляться...

Я видел однажды на фоне зари
В горах круторогое стадо.
Как будто взывала природа: — Смотри!
И чуда не трогай! Не надо!..

Неужто так трудно живую душой
Выдерживать ту высоту нам?
Пусть будет планета просторной, большой
Для птиц, для людей и для туров!

Пусть ветры поют на отрогах седых!
Пусть туры и в солнце, и в стужу
На воле гуляют в коронах своих! —
Рог турий с вином мне не нужен!

ЛАСТОЧКА

Легенда

Легенд хранит народ немало.
Одну поведаю тебе.

Ее уроков отголоски
Найдешь и в собственной судьбе.

Давным-давно, когда на свете,
Окутанном незнанья мглой,

Был человек и сир и жалок, —
Оса дружила со Змеей.

Шипя и телом извиваясь,
Как будто кольцами звеня,

Однажды преданной служанке —
Осе — промолвила Змея:

— Коль ты и впрямь верна подруге,
Послужишь беззаветно ей —

И тем насущную задачу
Решить поможешь побыстрей:

Лети, кусай живущих ныне,
Чтоб рассказать, чья кровь вкусней...

Той кровью буду я питаться
До самого скончанья дней...

...Летит Оса... Немое жало
Нацелено издалека:

То в шерсть овцы, то в шею телки,
То в лошадиные бока...

Червя, лягушку и мышонка
Настигла в ярости тупой.

Летающих, скачущих, ползущих
Не миновал укусы слепой.

Но лишь одна ей кровь по праву
Пришлась средь всех существ живых:

То кровь, задумчиво и нежно
Поющая в сердцах людских.

Оса спешит к Змее с известьем
О редком вкусе крови той,

Но рядом с ней, не отставая
И наслаждаясь высотой,

Стремится Ласточка — подруга
И бед, и радостей людских.

Она не хочет, чтоб узнала
Змея о вкусе крови их...

Едва поведать захотела
Оса секрет, — как в тот же миг

Взметнулась Ласточка упруго
И злобный вырвала язык.

Жужжит Оса, а толку мало,—
Не догадаться ни о чём,—

И бьет Змея в негодованьи
Наотмашь Ласточку хвостом...

И стал от этого удара
У Ласточки раздвоен хвост...

Доселе б мы не знали счастья,
Не будь той птицы на Земле:

Заложники змеиной пасти —
Дрожали б, робкие, во мгле.

РАЗГОВОР С ЗИМОЙ

Зима! Как равнодушен цвет твой!
Глуха твоя пустая даль.
Что скрыто в дне твоём незрячем?
Любовь, отчаянье, печаль?

Без боли и без ликования
Зерно укроешь, спрячешь сор...
Твой беспристрастный взор скрывает
Тоску ли, счастье ли, позор?..

Смеется детвора, играя
В снежки... А мне сжимает грудь
Тоска о том, кто заблудился
В снегах... Чей безысходен путь...

Одной весне я верю! Выйдет
Из тьмы — и спутает цвета,
И сор помчит в потоке шумном,
И просияет высота

Голубизной! И дней бесстрастных,
Студеных, затаенных — нет!
Непроницаемый, единый —
Порухен, сломан белый цвет!

ЗМЕЯ И МУРАВЬИ

Увидали ребяташки
Ядовитую змею —
И загнали в муравейник:
Пусть спасает жизнь свою.

Уползти ей не давали —
Любопытствовали вслух,
Как встречают гостя, если
И не зван он, и не друг...

Муравьи сражались рьяно —
Даром что сильней змея.
На смерть дом обороняла
Муравьиная семья.

Облепили, словно саван
Черный... Даже яд и слизь
Тут гадюку не спасали.
Поняла: уходит жизнь.

Извиваясь, погибала
Та, что смерть нести другим
Делом жизни почитала
Или даром дорогим.

А мальчишки, наглядевшись
На смертельную борьбу,
Убежав, тотчас забыли
Про змеиную судьбу.

Но забыли так же дружно,
Что погибли муравьи —

Эти честные трудяги,
Защитив дома свои.

Не созрел ребячий разум,
Чтоб за то себя винить,
Что так много жизней разом
Оборвалось из-за них.

Часто жизнь других на карту—
В этом притчи нашей суть —
Люди ставят, забывая,
Что ответственность несут.

ИНОХОДЕЦ

В день ясный южным склоном Жарахмат,
Покачиваясь, будто на тачанке,
Спеша добраться засветло назад,
В колхоз на иноходце возвращался.

Но вдруг заметил зоркий бригадир
Полянку молодой травы зеленой.
Стреножил он коня — и отпустил
Пасть его по солнечному склону.

Причина ж в том была, что бригадир
Шалаш удобный высмотрел некстати —
И захотел на воздухе вздремнуть,
Считая: времени на путь обратный хватит.

...Так рассудил наш путник — и, взвалив
Уздечку и седло к себе на спину,
Проворно к шалашу засеменял,
Коня оставив мерить луговину.

...Голодный волк, что прятался в кустах,
Узрев коня, скакнул со всею прытью
На иноходца, силы все напруг,
Схватил за ноздри, поволок в укрытье...

Бедняга-иноходец на ногах
Стоял едва... Беспомощен, стреножен,
Бессилен против слабого врага, —
Волчишкой жалким был он уничтожен.

Волк перерезал горло, распорол
Живот. Сожрал дымящееся мясо...

Что, пробудясь, наш трезвенник нашел? —
Скелет, один скелет ему остался!

Переживая горестный момент,
Себя клянет хозяин, чуть не плачет!..
— О глупость человеческая! Нет
Прощенья ей! — Но что стенанья значат!

Красавца-иноходца не вернуть
Хозяину, колхозу и породе.
...Злосчастный Жарахмат пустился в путь
По предвечерней ласковой погоде

Пешком и с темной думой на челе
О том, что не поднимет пыль предгорий
Копытами конь верный. А в селе
Не вспомнят происшествия позорней.

Влачит несчастный сбрую — и едва
Плетется с головой повинной к людям.
...Выходит, мудрость старая права:
Кто на авось живет — наказан будет.

МИШЕГЕН

Наступили осенние
Беспокойные дни.
Пригревает на солнышке —
И студено в тени.

И как будто закутали
Для прощальных торжеств
Плечи желтыми шальями
Все деревья окрест.

День мелькнул — и потух.
Воздух — ваза хрустальная —
Ночи длинные, темные.
Звоном радуется слух.

Но при этом тревожное
Время: к долгой зиме
Подготовка. Все в хлопотах,
Кто живет на земле.

Дня голодного, черного
Всяк живущий, страшись!
Порадей себе загодя,
Если ценишь ты жизнь!

...Мышь лесная, пугливая
Строит свой мишеген...
Не ленись, хлопотливая, —
Жизнь получишь взамен!

Мышьмышленная, быстрая
Будет жить и зимой:

Закром вырыт и выстелен
Облетевшей листвою.

А теперь запасается:
Все снует, как челнок;
Днем и ночью старается,
Чтоб управиться в срок.

Помелькала, побегала —
Так зато и — зиму! —
Все орешки ядреные,
Все один к одному!

...Опустились последние
Ледяные дожди.
Вслед спешит гололедица,
А за ней — стужу жди!

Из-под снега глубокого
Ничего не достать:
Кто ленился по осени,
Обречен голодать.

Мышь лесная, усердная
Не в обиде на жизнь.
Лишь смеркается — серая
К мишегену бежит.

...Немудреною долею
Мышь довольна была:
Всё орешки медовые
Грызла — так и жила...

Но известно: незваную
К нам приходит беда.

...Ползимы уже минуло —
И прошли холода,

Снег подтаял... Затеплился
Над пригорками пар...
За дровами отправился
В ближний лес Жагафар.

И на солнечной просеке,
Где орех да кизил,
Заготовил он впрок себе
Дров... Возок загрузил...

А когда он в орешнике
Увидал мишеген —
Выбрал все, лишь следы свои
Оставляя взамен.

— Повезло! От удачи ведь
Бегать просто смешно!
Видно, был предназначен мне
Клад. Видать — суждено!

...На повозке колышется
Жагафар-оптимист.
А вослед ему слышится
Тонкий жалобный писк...

Эта сказка кончается,
А подтекст ее был:
Зло всегда возвращается
К тем, кто зло сотворил.

ДВА ДЕРЕВА

Рядом выросли деревья,
Хорошо под солнцем им.
В высоту одно взметнулось
Над раскидистым другим.

Тополь, юный, тонконогий,
Рвется вырасти до звезд,
Далеко внизу оставив
Землю, яблоньку, колхоз.

В голубую высь тянулся
От темна и до светла,
Яблонька внизу осталась,
По весне белым-бела.

Спелой осенью плодами
Вся усыпана она,
Одарить желает ими
Взрослых и детей сполна.

Клонит веток груз тяжелый,
Доставая до земли.
Все, кто мимо проходили,
В сердце радость унесли.

Аромат вдыхают люди,
Яблоню благодаря.
Вымахал высокий тополь
Ввысь, где алая заря.

Все же он собой гордился,
Наблюдая с высоты
Низкорослую соседку,
Не достойную мечты.

Стойко яблоня встречала
Непогоды грозный шквал.
Рядом с ней высокий тополь,
Бурей сломанный, упал.

И поскользнулся на узкой тропинке,
Не удержался товарищ мой.
Шапка слетела, он вниз покатился,
Кочки и камни считая спиной.

И, наконец, он поднялся со вздохом,
Пыль отряхнул он и глины следы.
И, озираясь, нашел свою шапку,
Что откатилась далёко в кусты.

И огорченный, обиженный даже,
Стал почему-то меня упрекать.
Словно бы мог я предвидеть паденье,
Словно бы мог я его удержать.

МОСТЫ

Есть мосты над Волгой и над Доном.
Сколько их — железных и бетонных!

Доводилось быть мне на Босфоре,
Там, где мост пересекает море...

Проходил дороги и отроги,
Находил короткие дороги.

Мастера их строили на диво,
Чтоб века стояли горделиво.

Ими берега соединяя,
Мчат машины с новым урожаем,

С грузами, заморских благ не хуже,
Так они народам верно служат.

Но, чтоб к сердцу путь пройти тревожный,
Нужен мост, пожалуй, понадежней.

Те мосты ведут к надежной цели,
Что сердца соединить сумели.

ГЛАВНЫЙ ТОСТ

Старый горец свой тост произносит,
И проста пожелания нить:
В каждом слове звучит неизменно —
Мир и труд на земле сохранить.

Дипломаты земли, это с вами
Старый пахарь в горах говорит,
Каменотёс, чьи тяжелые руки
Внукам счастье умеют дарить.

Воевать, и не раз, приходилось —
Цену миру ему ли не знать?
Потому и на праздник в ауле
Любит он ордена надевать.

Пусть огонь в очагах не погаснет,
Дети дольше отцов пусть живут,
Да не будет застолье скуднее,
Пусть земля возвращает наш труд!

Дипломаты земли, это с вами
Умудренный годами косарь
Говорит о заботах извечных —
Молоке, изобильи — как встарь.

Старый горец в речениях краток,
Серебрится его голова.
Каждый думает о сокровенном,
За живое задели слова.

СТАРЫЙ МУРАТ

Всю свою долгую жизнь
Трудится старый Мурат,
Он независим и тих,
Только совсем не богат.

Есть у Мурата Коран,
И не страшна ему смерть.
Видеть арабскую вязь —
Словно на солнце смотреть.

Но неподатливый текст
Медленно снова прочти,
И на подмогу глазам
Есть у Мурата очки.

Не упрекает никто,
Сколько бы он ни читал.
Но не трудиться нельзя —
Знает и сам аксакал.

И на работу идет
Вовремя он каждый раз,
Хоть аккуратный старик —
Не пропускает намаз.

Как же без дела ему,
Если работа мила?
Видишь, снискал он почет
И уваженье села.

Любо на ферме большой
Возле совхозных телят.
И потому заслужил
Премииу старый Мурат.

ПЕШКА

Когда унижить вас хотят,
То пешкой назовут,
Свое достоинство вполне
Определяя тут.

Конечно, кто-то мог не знать
Возможностей фигур.
Не зная, осудить готов
Лишь праздный балагур.

Подобных пешке поищи
Отчаянных солдат,
А в наступление пойдут,
И каждой — черт не брат.

Они шагают лишь вперед,
Прокладывая путь
Своим, врага наискосок
Умея скovyрнуть.

Не станет пешка отступать,
Хоть гибель впереди,
Идет вперед, всегда вперед
С отвагою в груди.

Порой, затеяв с ней борьбу,
Противник сам не рад.
Она готова сокрушать,
Осилив пять преград.

Еще упорней гул атак,
Когда в ферзи пройдет

Иль став ладьей, конем, слоном —
В плен короля берет.

Отважным, доблестным бойцам
Все звания близки.
Могучим обернись ферзем —
Там, на краю доски.

Враз у врага переполох,
Ведь ферзь вселяет страх,
И потому любой король
Не любит слова «шах».

Вот так! И пусть узнают все
О пешке проходной,
Что движется всегда вперед,
Всегда стремится в бой.

ТЕМИРКАЗАК *

Сияешь ты в ночном просторе,
Звезда вечерняя полей.
Ты, как Венера, одинока,
Ты мне — другой звезды милей.

Стожары — целое семейство,
Весы — созвездием одним
Всегда восходят эти пары,
И в небесах не скучно им.

Плывет, свой ковш перемещая,
Медведица — семь дружных звезд.
Владеют небом безраздельно,
Уже их не представить врозь.

Пускай они меняют место
Семь раз до утренних лучей,
Мы видим их зимой и летом —
Таков привычный ход вещей.

Пусть это главное созвездье,
Все знают, где его найти.
А ты, Темирказак, восходишь
На радость сбившимся с пути.

И многим компас заменяет
Неяркий твой, неглавный свет,
Им так нужна твоя подмога,
Когда дороги ясной нет.

* Темирказак — балкарское название Полярной звезды (буквально: Железный казак).

Пристрастный взгляд наш отличает
Обычно яркую звезду,
А о далеких, одиноких
Лишь листья шепчутся в саду.

Звезде Темирказак подобна
Моя строка. Придет ли час,
Чтобы читатель справедливый
Однажды заметил нас?

Среди хваленых звезд и ярких
Спокойно в сумерках светись,
Тебя увидит, обнаружит
Кто верно разумеет жизнь.

Звезда моя, гори свободно,
Хоть света еле видна нить.
Но злобному не дотянуться
Тот свет дрожащий погасить.

Хочу надеяться, подымет
К тебе глаза когда-нибудь
Потомок дальний, в вихре мрака
Ты маяком ему пребудь.

Прохладою вершин волну питаю,
Чегем летит, неистовствуя, вниз,
Дробя валун. Долина золотая —
Вокруг нее вершины поднялись.

Мелькают дни, мелькают быстро ночи,
Леса листву меняют все быстреей.
И тур с орлом соперничества хочет,
Завида птичьи гнезда меж камней.

Меняют цвет вершины непрестанно,
И время года — перемены весть.
А памятник то в солнце, то в тумане —
Всегда встречает всех идущих здесь.

Живому шуму горного потока
Созвучна песня о джигите гор,
И песню, что взвивается высоко,
Народ поет и любит с давних пор.

Солтанхамид отдался весь движенью,
Из камня вырос, крепок и силен.
Отчизны мудрость и ее терпенье,
Ее бессмертье воплощает он.

ТОПОР

Дерево срубили, дерево свалили топором.
Ствол перерубили, ствол перерубили топором.

Обстрогали брусья — славная работа! —
топором.
Ставили ворота, новые ворота топором.

Обрубали ветки и тесали колья топором,
И дрова кололи, весело кололи топором.

Молотом ударили — и топор оставили на
потом,
Хоть и дом поставили с золотыми ставнями —
топором.

На дворе заброшенным, под сухой берестою он
лежит.
Пылью обветшалою, ржавчиною жесткою весь
покрыт.

Дождь со снегом падает. На дворе оставленный
на позор
Позабыт хозяином, молодым хозяином, тот
топор...

Слушал его весело лишь вчера с кукушками
желтый бор, —
Осыпал он стружками, золотыми стружками
тот топор...

РАЗГОВОР С ХУЛАМСКОЙ БАШНЕЙ

Вот опять я встретился с тобою,
Каменная память прошлых дней,
Вновь погладил трепетной рукою
Бессловесность темную камней.

И опять стоят передо мною
Каменотеса-мастера глаза.
Он воздвиг тебя над крутизною
Там, где начинается гроза.

Не для развлечений, не для славы...
А в иных краях свои дворцы
Строили владыки для забавы,
Для пиров и суетной красы.

И затем, чтоб утолить тщеславье,
Чтобы слыть богаче и грозней,
Чтобы над землею всею править,
Стены возводили крепостей.

Только ты, создатель, ты безвестный,
Был объят заботою иной —
Чтоб звенел бессмертной камень песней,
Высь над ней текла голубизной.

Мрамором, венками роз каленых,
Золотом ее не украшал,
В стенах своей башни закопченных
Разных птиц заморских не держал.

Бойницы караулили дороги —
Глаза настороженны и остры,

Чтобы зажечь негаданной тревоги
Смятенные и смелые костры...

Коней лихих и яростных седлали,
Сжимали сабли верные в руках
И пики, и тугие луки брали
И стрелы, заостренные в боях.

А башня, вестник горя и тревоги,
Вдруг становилась крепостью крутой.
Зубцы ее, как горные отроги,
Неколебимы были пред бедой.

Кровь храбрецов лилась и пламенела —
Там розовели камни, где текла.
Она живым любить свой край велела,
Свободу и очаг, и в бой вела.

Так стали башней неприступной камни,
Разившие врагов с крутых высот,
Израненные, стертые веками,
Молчащие — надежда и оплот.

О, если бы вы вдруг заговорили
Сквозь немоту и прах иных времен!
О сколько бы тогда вы нам открыли
Прекрасных судеб и больших имен...

Кичливые воинственные ханы
И шахи — покорители земли
Лбы разбивали о крутые камни:
Не покорили горцев — не смогли.

Где вы теперь, мечтавшие о славе
И о бессмертье, пасынки хвалы?

Вы сгнули на яростной потраве.
Вас пережили башни! Где же вы?

Столетия отгорели, как рассветы.
Над вами день разлился голубой,
Дождь омывает и ласкают ветры
Вас, ставших и преданьем и судьбой.

Все в мире — не бессмертно. День
вчерашний

Покоится на вытертых камнях.
Вы память пронесли нетленной, башни,
Откованную в битвах и веках!

СОН

Я видел сон. Земля — в весеннем цвете,
Пылает от цветенья золотого.
Зарыто в землю все оружие смерти,
И ненависть оставлена без крова.

Простор вокруг широкий, безоглядный —
Раздвинуты земные перекрестки.
Блистают росы по траве прохладной
Под разговор неспешный стариковский.

Ни дыма, ни огня — светла планета,
И вишня возле окон забелела.
Лишь я дымок косой заметил где-то
Из трубки мира, что воспел Лонгфелло.

ЕСЛИ Б ДОБИЛСЯ НАРОДНОЙ ЛЮБВИ

Года прошли, друг друга подгоняя,
Подобно волнам горного Черека.
По всей стране от края и до края
Работа шла во имя человека.

Познал я с детства трудные пути.
Как будто я уже мужчина зрелый,
Взяв в руки посох, стадо стал пасти,
На лица взрослых глядя с верой смелой.

Так, рано потеряв отца и мать,
Тропу свою я начал не уныло,
Ведь сиротой не мог я все же стать —
Село мое меня усыновило.

Согрели руки, стал сильнее закал —
Уже джигит, во всем умелый парень.
И дни пришли — я смело зашагал,
Хорошим, добрым людям благодарен.

Была трудом вся жизнь моя полна,
Во мне крепчала молодость и сила.
И не село одно, а вся страна
Рабочая — меня усыновила.

Когда ж война пришла в края родные,
Я с первых дней ее ушел в солдаты:
В окопах мерз, в атаки штыковые
Ходил под орудийные раскаты,

Спал на снегу, любил друзей я нежно,
И, подводя ушедшим дням итоги,

Всегда я говорил: жизнь без надежды,
Она пуста — без цели, без дороги.

Я — сын эпохи яростной, крутой,
Вот потому ее сердцебиенье
И день ее бессмертный, молодой
Я воплотил в свои стихотворенья.

Пускай пылает солнце на ветру,
Поет, как пело о земле доньше.
Я одного хочу: когда умру,
Считайте их — посланьями моими.

Пускай над ними, голову склоня,
Присядет внук мой — лучше нету взгляда.
Возможно, кто-то скажет про меня:
«Он жизнь прожил не зря, прожил как
надо...»

Я вижу день грядущий, молодой,
В нем все друг друга любят, словно дети.
Добиться б мне от всех любви такой!
Я б понял, что не зря прожил на свете.

ЖЕЛЕЗНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Хотя и полночь — свет горит,
Сияет в исполкоме.
Так кто же там сейчас сидит,
Забыв о сне, о доме?

Так интересно было мне
Узнать — да кто же это?
И я подъехал на коне
К окну, к полоске света.

Сидит худой, сидит прямой,
Любимый всем народом,
Сидит знакомый давний мой —
Куц, из России родом.

В свою работу он влюблен.
Отчет внося в тетради,
Всю ночь, как пахарь, пашет он
Земли балкарской ради.

А лампа на столе слегка
Коптит до самой рани.
Тугие кольца табака
Под потолком — кругами.

Не спит железный секретарь,
Исполненный заботы.
Пера его прямая сталь
Врезается в отчеты.

А над его стоят плечом
Грядущие рассветы...

Ему усталость нипочем —
То сводки, то отчеты.

И после долгого труда,
И после долгой службы —
Домой, но в памяти всегда
Дела людей, их нужды.

Вернется за полночь домой —
Покоя не находит...
А лишь забрезжит день-другой —
Куц первым вновь приходит.

Он в горы ехал, он спешил
К табунщикам недаром,
Ведь верною опорой был
Он, горским комиссаром.

И высоко так ни о ком
Не отзывались горцы,
Его считали кунаком
И зазывали в гости.

...Шумят хлеба, цветы цветут —
Его трудом полезным.
Вот потому его зовут
Секретарем железным.

ПОЖЕЛАНИЯ

Баллада

Громко славили царицу песнопевцы на пиру,
В честь нее звучали тосты,
Несравненные в пылу:

— Пусть умножатся владенья у тебя —
Да будет так!

— Под твоим мечом навеки успокоится пусть
враг! —

Так сказал один в надежде,
Что царице угодил,
Что в глазах знак одобренья, знак согласия
уловил.

— Да отпустит наш создатель все, чего
захочешь ты:

И бессмертия,
И силы, и державной красоты!..—

Так сказал другой,
Поднял он высоко с вином бокал.
Взгляд ее непримиримый ничего не
выражал —

Изваянию из камня был подобен лик ее.

И ни тени одобренья —
Все, мол, льстивое вранье.

— Пусть могущество и слава прогремят на
весь Восток —

Так вот третий сладкопевец
Рабский свой излил восторг,
Так сказал, во всю пытаясь в тост свой
искренность

Вдохнуть,

Озарить лицо царицы хоть чуть-чуть,
Хоть как-нибудь.

Все молчали виновато и прибито. Наконец,
Слово взял несладкопевный
С длинным посохом мудрец:
— Лишь одно есть пожеланье,
Слово, полное любви:
Пусть всегда здоровы дети будут милые
твои!.. —

Так сказал и поклонился — мудрый к лести не
привык.

И улыбкой осветился
У царицы сразу лик,
Разлилась в суровом взгляде, затеплела
благодать —

Не царица улыбнулась,
Улыбнулась людям — мать.

АСЛИЖАН

Тому века... Где скал крутых громады
Ущелье затворили — всякий вход,
Где кручи, пенясь бьются водопады,
В большом ауле горский жил народ.

Лишь узкая тропа соединяла
С другими, прячась в скалы и кусты.
Лишь навещали изредка бывало
Аул тот вездесущие купцы.

Да из самих, кто жил в ущелье этом,
Случались непоседы. Бросив дом,
Они скитались весело по свету,
Чтоб было что порассказать потом.

Что греет жизнь их — помнил каждый
житель —

Свет бога солнца, щедрого Тейри.
А Апсаты — охотников хранитель —
Водил тропой удач, тропой зари.

Здесь лучники, в мишени попадая
Рогожные, под выкрики: — Стрелок! —
Не зря считались славой всего края
И вызывали искренний восторг.

И в состязаньях конники лихие
Умели смело брать любой барьер,
Являли меченосцы молодые
На игрищах и доблесть, и пример.

Не потому ль пред вражеским напором
Был стойкостью аул тот знаменит.

Кто приходил с войной сюда — был бит,
И все кончалось для него позором.

Среди красавиц лучшую едва ли
Найдешь еще среди соседних стран,
Чем та, кого отец и братья звали
Сокровищем, бесценной Аслижан.

Лицо ее сравнишь с одной луною,
С сияньем дня, взгляд долгий из-под век.
Всего лишь год остался, чтоб женою
Ее ввел в дом отцовский Темирбек...

Но вот могучий хан, что шел с востока,
Наместника отправил, чтобы тот
Смог покорить, смог усмирить жестоко
Аул упрямый и его народ.

Огни на башнях строгих запылали:
Беда идет, беда грозит войной.
Коней джигиты яростно седлали
И мчались в бой за свой аул родной.

Свист тонкий стрел и злых мечей сверканье,
Клич к битве от зари и до зари,
И боевых коней глухое ржанье —
Все видел бог языческий Тейри.

И видел он, как войско злое хана,
Ступая по убитым тяжело,
На третий день, горящий, словно рана,
В аул несчастный все-таки вошло.

Осел тяжелый пепел над аулом,
И, как зола, осела тишина
По закоулкам выжженным и хмурым...
И ликовали ханские войска.

Всех уцелевших аулчан собрали.
— Сражались смело. Кончилась война.
Для пира полководца, — приказали, —
Нам лучшая красавица нужна.

Старухи взвыли перед ханской стражей,
А старцы шепчут тихо, строго: «Срам!»
И девушки, обмазав лица сажей,
Попрытались в испуге по домам.

Лишь Аслижан спокойно, не переча, —
Чьи брови тонко выгнуты дугой, —
Сказала богатыру, что для встречи
Наряд наденет лучший, дорогой.

А вечером, всех восхищая статью,
Длинноволоса и лицом бела,
Шла Аслижан, одетая в то платье,
Которое для свадьбы берегла.

В глазах у старцев скорбь темнела жутко,
И горько произнес один из них:
— Словно лишилась Аслижан рассудка,
Отца и братьев потеряв своих.

Лежит ее любимый в чистом поле...
Иль ей девичья честь не дорога?
Знать, потому сама по доброй воле
Идет она, чтоб усладить врага.

Иль бусы ей из красного рубина
Нужны, или чужие жемчуга?
Неужто всех забыла, разлюбила
И ищет теперь милости врага?

Владыка грозный и любимец хана —
Сверкает сабля вязью золотой, —
Он, покорявший города и страны,
Ласкал горянку на пиру рукой.

Дрожали плечи, и глаза взирали
Со страхом, мол, слаба я и одна.
А воины бывалые шептали:
— Красивей, чем персидская княжна.

И опустился ночи черный саван
Над выжженной, печальной стороной,
И воины, насытившись на славу,
Ушли, совсем хмельные, на покой.

Владыки ложе устлано коврами,
На цыпочках давно ушел слуга,
Светильника дрожит слепое пламя.
Горянка полководцу дорога.

«В индийские шелка тебя одену,
На пальцы жемчуга я подарю,
Я разукрашу, будто королеву
За то, что радость мне отдашь свою...»

Светил светильник. Аслижан дрожала —
Казалось, что она едва жива...
Вдруг выхватила острых ножниц жала
Рука ее стремглав из рукава —

Врагу вонзились яростно по кольца...
Раздался хрип среди ночной поры,
И кровью иноземца-полководца
Окрасились надменные ковры!

Не дрогнули совсем охраны пики,
Увидев среди сумерек ночных,
Как в красном одеянии владыки
На скакуне умчался кто-то в миг.

В густые чащи, под ночные тени,
Унес ее послушно жеребец.

И в сердце радость, но не от спасенья —
От мести, что свершилась наконец.

«Охотники и пастухи, восстанем!
На битву подымайтесь, люди гор,—
Омоем вражьей кровью наши камни
За поражение нашего позор!»

Подобны вихрю, с каждым днем сильнее
Убийц разили, с гор сойдя крутых,
И нападали ночью, ужас сея
Там, где враги совсем не ждали их.

Из уст в уста передавали люди
О воле, что уже невдалеке,
О девушке аула, как о чуде —
Сверкала сабля в девичьей руке.

Враги бежали, паникой объаты,
Не веря в помощь — где там, не спасут! —
Назвав ущелье и аул «Проклятым»,
Где «призраки» бесстрашные живут.

...Промчались годы, и аул из непла
Вновь родиной цветущей горцев стал.
Народ, рожденный позже, звонко песни
Про Аслижан бесстрашную слагал.

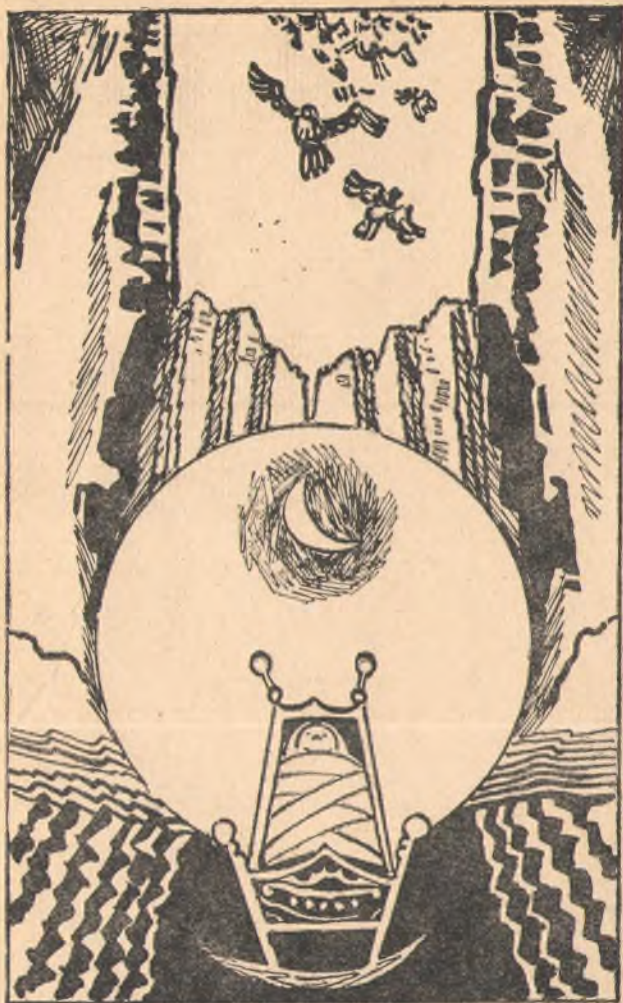
Коль ветер в пору знойную промчится,
Как будто крыльев взмах прошелестит,
То — Аслижан (в сказаньях стала птицей)...
Надгробный камень дождик оросит —
То девичья слеза о белолицей.

А солнце льет сквозь утренний туман
Свой нежный свет и радостный, и зыбкий.
Улыбкою назвали Аслижан —
И улыбались все ее улыбкой.

*Не ты ль мой взгляд пленяешь красотой?
Не ты ль одна из звезд в тиши ночной?*

В НЕБЕ СРЕДИ ЯРКИХ ЗВЕЗД

В небе ясном и таком прекрасном,
Как Венера — нет звезды такой.
И в твоём большом селе балкарском
Нет тебя красивей ни одной.

Ты на нежность добрую богата,
Ты всегда готова всем помочь.
Мать, тебя родившую когда-то,
Поздравляем за такую дочь.

Подал тебе руку, пряча горечь, —
Я не позабыл ее тепла.
Ты засмейся — твой приятный голос
Мне любовь запомнить помогла.

Путь твой ясен, день твой каждый ярок,
Много в нем тепла и добрых грез.
А покамест — от тебя подарок:
Я с собой твой звонкий смех унес.

Стала путеводной ты звездой
На моих изменчивых путях.
Что захочешь делай ты со мною,
Ведь моя душа в твоих руках!

«Как хорошо, когда ты — зрелый плод,—
Сказал листок, что сорван с ветки был,—
Ведь яблоко, хоть даже упадет
Под яблоню, — на золотой настил.

От ветки той, где рос, любя судьбу,
Меня ж умчит листвы водоворот,
Уронит то на пыльную тропу,
То к дереву чужому принесет.

Или забросит вдруг в пучину вод.
Лишенный крова, брошен я в распыл...
«Как хорошо, когда ты зрелый плод»,—
Вздыхнул листок, что сорван с ветки был.

— Танцует детвора вокруг меня,
Игрушками увешанной, нарядной.
И старики вокруг, и малышня —
Все славят песней звонкой и отрадной, —

Так яблоне сказала ель, когда
Без листьев, неподвижно и устало,
Одетая в седые холода,
В дремоте зимней яблоня стояла.

Сказала та, залита светом вся:
— В тиши земной мое непокоренье.
Придет весна, и снова встречу я
И синь небес, и радость обновленья.

И много лет стоять мне здесь, даря
Всех яблоками с кожей золотою.
Пройдут года — умру я, как заря,
Тебя ж запомнят в праздники — другою.

ТЫ ПОМНИШЬ?

Мы к Тазия-Тупшур ходили вместе —
Вершинная, высотная земля,
И обсыпали в переливном блеске
Нас шелестом стозвонным тополя.

А солнце было золотого цвета,
Лило тепло с бессмертной высоты.
Посередине голубого лета
У края неба зыбились цветы.

Их собирал когда-то для тебя я,
Букет цветов, как радуга, цветной.
Смешать цветы — примета есть такая! —
Всегда — к любви и встрече под луной.

Но желтые вокруг цветы разлуки
Росли, я их дарить тебе не смел.
Все, что любовь могло обречь на муки,
Я избежать старался, как умел.

Ты помнишь, как с горы с тобой когда-то
Смотрели, как в полете журавли,
На сакли у речного переката,
Да так, что насмотреться не могли?

Ты помнишь, той весеннею порою
Созвездья нам светили, как костры?
Ты помнишь, как спускались мы с тобою
Запальчиво и радостно с горы?

Как будто волны буйного Черека,
Умчались годы эти чередой.

Но ты поверь мне, памятью согрета,
Что не забыть вовеки встречи той.

Как Тазия-Тупшур увижу ныне,
Я спрашиваю грустно и любя
У тополей тяжелых на вершине —
А помнят они юную тебя?

Меж тополей сижу я белоснежных,
Как в давние зеленые года.
И пусть мою печаль развеет нежно
Бессмертная рассветная звезда.

ВЛЮБЛЕННЫЕ НАСКОРО

Лишь тех, кто всех красивее,
Джигиты ищут смелые,
Цветы срывают яркие —
И алые, и белые.

Спешат джигиты к девушкам
С цветами на свидание.
О, как их сердце радует
Невесты обещание!

Сады дымят туманами,
Восходят звезды млечные,
Знакомятся влюбленные,
Словно на веки вечные.

Хоть не прошло и месяца,
Справляют свадьбы скорые.
И вот — где радость прежняя
И дни, в цвету которые?

«Ленивая, беспечная.
Любовь твоя увечная», —
К жене супруг с намеками,
Она к нему с упреками.

Лишь встанут утром, хмурятся,
Лишь брань с утра до вечера.
Попреками, скандалами
Семья их изувечена.

Забыв любовь недавнюю —
Любовь для них — уродина, —

Врагами став, озлоблены,
Они уже расходятся.

Не помирить отныне их
Друзьям, родне иль матери.
Чтоб вспомнить нежность прежнюю —
Это не в их характере.

А зори гаснут нежные,
А дни глядят неласково.
Забыли клятвы прежние.
Что им, влюбленным наскоро?..

ГАЗЕЛИ

Звезда Венера пусть и далека —
Возлюбленному так она сладка.

Красивее тебя хотя б одна
Есть на земле? Не знаю я пока.

И я влюблен в тебя уже давно —
Клянусь, ты мне поверь наверняка.

Надейся на меня, и я тебя
Лелеять буду, как волну река.

Я радуюсь: честь воздает народ
Тебе давно — и честь та дорога.

Красавиц у нас много. Только ты
Красивей всех, душе моей близка.

Да, птицу счастья своего я не сумел поймать —
Дом недостроенный упал, не возвести опять.

Несбыточна моя мечта, несбыточна любовь.
И понапрасну дни ушли, ушли — не отыскать.

И сколько б ни старался я, но мне не повезло.
Горька, мучительна, тяжка мне эта благодать.

Но в сердце не погас огонь, зажженный для
тебя,
И жару прежнему в груди моей еще пылать.

Эй, Берт, как душу ты свою отдал любви
в залог?
Не смей поэтому теперь ты на судьбу пенять.

Ах, как светел этот день, светел день на все
края —
День, когда ко мне пришла голубь белая моя!

Только крылья размела, надо мной заворковав,
Только глянула в глаза — сразу стал
влюбленным я.

Взгляд печальный посветлел, отпустила грудь
тоска.
Лишь увидел я тебя, нежность в сердце затая.

И согрелась моя грудь, стужа схлынула,
прошла,
Лишь увидел темных глаз солнечные лезвия.

Берт, поверь, твой скромный дом, твой давно
печальный дом
Ожил сразу, посветлел, счастье нежное струя.

Только ты ко мне пришла — стало все светлей
вокруг,

Только руку подала — так согрелось сердце
вдруг.

Все искал тебя, искал днем и ночью, и во сне,
Весь измучился, пока я за кругом делал круг.

А теперь тебя нашел. Низко кланяюсь тебе,
Тороплюсь тебя обнять. Ты — мне самый
нежный друг.

На тропу твою кладу я сейчас свою ладонь,
Как циновку постелю, чтобы не было разлук.

Хоть умру — считать себя, нет, не буду
мертвым я,
Если будешь у меня как спасательный ты
круг.

Если рядом будешь ты, возле сердца моего, —
«Берт — счастливей всех!» — скажу я, твоих
касясь рук.

Не гори, не спекайся, мое сердце, от забот,
Ведь исполнятся желанья, все надежды в свой
черед.

Грудь моя и так сегодня, как очаг, раскалена.

Неужели моя горечь не отпустит, не пройдет?
Оттого, что жаром сердце так охвачено мое,
Руки движутся без силы, и сковал мне ноги
лед.

Хоть бы раз ее увидеть, раз лишь гурию мою,
Стало б ясным мое сердце, дум утих
круговорот.

Мне не надо талисмана или зелия любви,
Мне нужна она одна лишь, жду ее который
год.

В сад любви вошел влюбленный, в сад ввела
меня она,
Среди яблонь, среди вишен лишь одна она
цветет.

Как солнце, освещая жизнь, явилась предо
мною,
Как мотылек летит на пламя зажженной
лампы в час ночной.

Как будто в сладостном полете, спешу
приблизиться к тебе,
Свое трепещущее сердце держа тревожною
рукой.

Мое встревоженное сердце высоким пламенем
горит,
Все жаром обдает внезапным, влюбленной
силой огневой.

Теснят тревоги мою душу и окружают все
сильней.

Я загнан ими в темный угол, и нет надежды
никакой.

О гурия, развеи скорее мою печаль, мою беду,
Согрей скорее нежным взглядом, своею
ласкою живой.

О сколько раз тебя увидеть пытался! Но только
зря.

Всегда ты проходила мимо, всегда проходишь
стороной.

Гонясь за дикою козулей, газели пишет
бедный Берт
И утешается печально своей влюбленною
строкой.

Когда ты тихо на меня бросаешь нежный
взгляд,
Когда ресницы лесом пик отчаянно торчат,

Тогда на раненного я в лихом бою похож,
Того, кто пикою пронзен — и все же ране рад.

Когда же улыбнешься ты, то снова ожил я,
Словно прошел через огня невыносимый ад.

Когда же сердце у меня путь добрый обретет,
Когда ты бросишь на меня свой нежный
звездный взгляд,

Не будут больше без моста меж берегов крутых
Твоя тропа с моей тропой — и обе наугад.

Если же встречу хмурый взгляд, обращенный
на меня,—
Знай, к печали я привык, в этом я не виноват.

Берт, взошел ты высоко, на вершине ты любви,
Но спускаться вниз сейчас только стал,
тоской объят.

Ты звезда из серебра или солнце золотое?
Ты — душа моей любви, ее сердце молодое.

Что поможет показать белый свет мне,
если вправду
Ты — зеница, свет очей, а не что-нибудь
другое.

Или — сладостный язык, мне газели
говорящий,
Те слова, что о любви, не изведавшей покоя,

О тебе, как ученик, думаю я, джан, все время.
Ты — непознанная даль, тайна, смутное былое.

Если я — рододендрон на горе высокой,
белой,
Ты — цветок ее вершины и цветение живое.

Чтоб сквозь бездны перебраться, чтобы
верный путь найти,
Ты надежный мост, я знаю, сердцем ведаю
про всех я.

Чтоб спасти меня от тягот и от трудностей
спасти,
Ты — всегда моя защита, а без этого ничто я.

Не ты ль мой взгляд пленяешь красотой?
Не ты ль одна из звезд в тиши ночной?

Хоть одному из любящих тебя
Ответила ль взаимной прямою?

Или письму, что я тебе послал,
Ответила не ты ли немотой,

Джигиту на влюбленные слова
Ответила лукавостью пустой?

Или нашла ты равного себе
И не была застигнута тоской?

Бесспорно то, что ты красивей всех.
Ходила ль тесной ты любви тропой?

Носила ли когда-нибудь в груди
Огонь любви бессмертный и святой?

Иль все ж не погасила тот огонь
Бессмысленно ты речью ледяной?

Не замечала ли поэта ты,
Что так пленен твоею красотой?

Хотя б минуту уделила ты
Страдальцу, потерявшему покой?

Я бы гостем приходил в твой дом —
Разреши заночевать мне в нем.

От тебя вдали не тосковать,
Посидел бы я с тобой вдвоем.

Пери моя райская, поверь —
Я б расцвел, лишь улыбнись тайком.

Что такое рай земной тогда
Я б узнал, надеждою влеком.

И куда б меня ни повела,
Я пошел бы за твоим огнем.

А велела б: — Ты в огонь войди! —
Я б вошел, чтобы погибнуть в нем.

К Аслижан стремился я, к ней, что свет моих
очей.

Даже ночью мои сны беспокойные — о ней.

Как смогу я рассказать, что безмерна эта
грусть,

Что на свете нет любви, нет любви моей
сильней?

Хоть решусь я объяснить ей любовь свою и
грусть,

Даст ли мне она ответ тот, который всех
верней?

Что же горестней всего: если любит человек
Без взаимности большой, той, которой нет
милей!

Но бывают среди нас притеснители любви,
Сбросить с гор ее хотят, сбросить в бездну
поскорей.

Безупречен стан твой тонкий, безупречна
красота,
Потому и все равно мне: ты богата иль бедна.

Если любящее сердце говорит с тобой, скажи—
Можешь быть ли ты спокойной, можешь быть
не влюблена?

Много девушек хороших и прилежных есть
у нас.
Ты на них, скажи, похожа, слову данному
верна?

Сколько Берт тебе вопросов самых разных
задает,
Все ль, скажи, тебе понятны? Ты звезда или
луна?

Не из туч ли ты пришла, моя Чолпан *,
Много ждал тебя, я стал в тебя влюблен.

Чтоб развеять о тебе свою тоску,
Я объятия раскрыл, моя Чолпан.

Даже жемчуг — недостойный тебя дар.
Как увидел, всех забыл, моя Чолпан.

Как увидел тебя в юные года —
Сразу всех лишился сил, моя Чолпан.

* Ч о л п а н — Утренняя звезда.

Я подружке, что с тобой меня свела,
Свой салам проговорил, моя Чолпан.

А сошлись с тобою в мнениях, сказал:
«Счастье в жизни я открыл, моя Чолпан!»

Мечту свою к тебе направил, карачач*,
Себя я ждать в тот час заставил, карачач.

И спас в тебе свои я лучшие мечты.
Ее я прятал, ее славил, карачач.

Теперь пришла в мои объятия сама,
Путь к счастью я направил, карачач.

На твою свадьбу гармониста пригласил,
Танцоров лучших я представил, карачач.

Как танцевали, веселились во дворе —
Я ничего здесь не прибавил, карачач.

А проводив гостей, остался я с тобой,
И месяц путь к нам свой направил, карачач.

И все сомненья, что держал на сердце Берт,
Ты прогнала, нас жар оплавил, карачач.

К любви я шел — и вот попал я в светлый рай,
А потому, что не лукавил, карачач!

* Карачач — черноволосая.

Да, о тебе я думаю всегда —
В глубоком сне и наяву, моя звезда.

Ведь ты, суратка, мне милей души,
Когда ты шлешь салам в ответ, когда

Слова, что греют сердце, говоришь,
Мне кажется — я счастлив на года.

Сурат* — картинка, что красивей нет.
Всегда, Сурат, ты будешь молода.

Сидят наряды ладно на тебе,
Красавица, невеста — хоть куда!

Тот счастлив, кто на жизненном пути
Умеет честь беречь, а ты — горда.

Одни тебя: красавица — зовут,
Вторые же — рассветная звезда.

А третьи восхищаются: кундúz!*
И золото — другие. Как когда.

Ты золота дороже. «Свет очей!» —
Тебя назвал, люблю я все года.

Я — образ твой, и в памяти моей
Запечатлен твой образ навсегда.

Берт, зря стремишься описать ее,
Ведь слову не подвластна красота!

* С у р а т — картинка.

* К у н д у з — соболиха.

КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

Она и впрямь красавица была,
А шла — словно пространство освещала
Вокруг себя, спокойна и светла.
По ней толпа поклонников вздыхала.

Хоть счастья материнства не пришлось
Познать ей, и горюя, и страдая,
Всегда он думал нежно, что нигде
Такая не отыщется вторая.

А тех, кто провожал порой ее,
Благодарил, в душе считая здраво —
Большого уважения полна
К красавице вздыхателей орава.

Не обращал вниманья никогда
На то, что вьются вокруг нее, как стая,
Поклонники... Не ревновал ничуть,
Ее в пустой квартире ожидая.

Когда ж пыталась близкая родня,
Приехавшая в гости в шумный город,
Насторожить его, предостеречь,
Он отвечал: «Пустые разговоры!»

Потом, сдаваясь, обещал, что впредь
Все будет в крепких у него границах,
А если все же не поймет — держать
Ее в ежовых будет рукавицах.

Но только оставался он без них,
И снова становился мягкой ватой.

Жена же приходила все поздней,
Все больше становилась нагловатой.

И, радуясь, что все-таки пришла,
Смотрел он, восхищенья не скрывая,
Как молода и как лицом светла —
Где есть еще такая вот, другая?

Вот так и жили, словно чужаки,
Под сенью всепрощенья и терпенья.
И вот она ушла, не скрыв тоски,
К другому, не простясь, без сожаленья,

Остался муж, обманут и забыт,
Остался, не сумев быть строгим мужем,
Как старый вол, устав давно пахать,
Давным-давно уж никому не нужен.

ВЫБИРАЮЩЕМУ ДЕВУШКУ

Выбирал себе девушку мой друг,
Красоту ее считая даром,
С гордостью возил ее мой друг
По проспектам летним и бульварам.

Радости великой не гоня,
Встретил счастье это, словно диво.
И однажды он спросил меня
Горделиво: «Вправду ведь красива?»

У нее в зрачках голубизна
Неба, а глаза, как зимний вечер.
Плавно — за одной волной волна
Лились ее волосы на плечи.

А ресницы черные ее,
Словно плечи черной бурки горской.
Золота тяжелое литье в мочках.
Шаг стремительный и броский.

Платья модный, дорогой фасон, —
Все, словно реклама дефицита.
На цепочке золотой кулон —
Никакая мелочь не забыта.

Спрятал ее волосы парик
В завитках немислимых, безличных.
Он на голове ее парит.
А спина — в нашлапках заграничных.

Резкий, терпко-сладкий аромат
Веет от духов и от помады,

Тени крема розово лежат
На щеках и привлекают взгляды.

Губы — пусть простит за это друг, —
Как щенок, что нализался крови,
Не лицо — какой-то алый круг,
Ничего не видно крема кроме.

Талия как будто напоказ,
Все в обтяжку, дескать, вот какая.
И прищур высокомерных глаз,
Краска на бровях лежит густая.

От ее коронок золотых
Слепнут взгляды, а не от улыбки.
Много видел в жизни я таких,
Видел суть их сердца без ошибки.

И не стал искать я, грусть тая,
Совершенство тела в ней и духа,
И остался недоволен я
Выбором и восхищеньем друга.

Мнение хочет слышать друг мой и совет.
— Не спеши, ведь всякое бывало.
Что сказать? Красива или нет?
Хорошо себя нарисовала...

СНОШЕНЬКА

Привезенная в мой дом, сношенька,
Льешь ты добрый свет кругом, сношенька.

Ты проворна и смела, сношенька,
И моей семье мила, сношенька.

Дружелюбна и чиста, сношенька,
И делами занята, сношенька.

С мужем ты в ладу, все — впрок, сношенька,
Как основа и утók, сношенька.

АЛИ И АСЛИХАН

Как на человека ни смотри,
Душу ты его рассмотришь еле —
Как узнать его, не испытав,
Кто он есть, на что способен в деле?

Той * давно Али и Аслихан
Отгудел от края и до края.
Любовалось все село с тех пор —
Ах какая пара, ах какая!

Родилось две дочери у них
И два крепких, два веселых сына —
Не было в селе еще таких!
Дружная семья их всех растила.

Средь своих соседей-аульчан
Тихо и достойно поживают:
Возле них Али и Аслихан
Ни беды, ни старости не знают.

Славная и добрая семья —
Нету лучше и прекрасней доли,
Если дочки их и сыновья
Учатся успешно в сельской школе.

Где таких отыщешь ты окрест?
Мать — все время отдана заботе,
Лучший парикмахер — их отец,
Мастер красоты, всегда в почете.

* Той — праздник, свадьба.

Аслихан, как полная луна,
И доныне блещет красотой,
Всеми почитаема она —
Мужем благодарным и роднею.

Приходил домой к себе Али,
Все дела окончив трудовые,
Словно на свиданье приходил,
И с женой встречались, как впервые.

Если вдруг случался день такой,
И они не видели друг друга,
Думали они тогда с тоской,
Что настала долгая разлука.

У Али, хоть волосы седы,
Но усы черны, как ночью тени,
Лихо их закручены концы,
Так похожи на рога оленьи.

Как-то он путевку получил
За большие, трудовые годы,
С радостной душой собрался он
В Кисловодск на отдых и на воды.

Аслихан, хоть рада за него,
Все-таки взгрустнула понемногу,
Новою одеждой и едой
Вкусною снабдив его в дорогу.

Вот автобус двери распахнул
Широко, словно в объятьях руки.
И осталась Аслихан одна,
С грустью глядя вслед своей разлуке.

Вот автобус скрылся за бугром
В грохоте мотора, в шлейфе дыма;

Вот в просторе скрылась голубом
Быстрая, бывалая машина.

Стала вдруг она невесела,
Словно срок разлуки — не короткий,
И домой, к семье своей ушла
Грустной, торопливою походкой.

А Али, приехав в Нарсану *,
Многим завсегдатаям на зависть,
Стал гулять по улицам, как франт,
Каждый день в обнови одеваясь.

Гордость свою — черные усы
Стал теперь закручивать он лихо.
На курорте этом на него
Каждая смотрела щеголиха.

Выбрал он из них себе одну:
Тонкоброва, разодета гордо,—
Так увлекся, что не замечал
Ни людей он, ни красот курорта.

Лишь — Наташа, брови в одну нить,
Холодна, как манекен. Красива.
Всех смогла заставить позабыть,
Хоть была заносчивой на диво.

А ведь муж в Ростове-на-Дону,
Дом добротный, маленькие дети.
Но Али, у красоты в плену,
Ничего не замечал на свете.

* Нарсана — старое название Кисловодска.

Что это нашло вдруг на Али:
Жизнь давно аульная забыта,
Словно бы и нет семьи, жены!
Прошлое — ведь слабая защита.

А зайдет с Наташей в магазин,
Пощедревший после доброй чарки,
Лишь укажет пальчиком она,
Тут же покупает ей подарки.

Где там отдых! Похудел бедняк,
Побледнел, как будто неврастеник,
В письмах, отправляемых домой,
Стал просить: еще пришлите денег.

Пред Наташей изливался он,
Хвастовство пустое обнаружив:
— Крепкое хозяйство. Крепкий дом.
При солидной должности к тому же.

Я к тебе тянусь душою всей,
Называю самой дорогою!
Станешь ты хозяйкою моей,
Я же — твоим преданным слугою.

А Наташа — ничего в ответ,
Слушая довольно краснбая,
Лишь в глазах мелькал лукавый свет:
— Неужели стану дорогая?

А однажды, глядя на Али
Пристально и ласково, спросила:
— Неужели дома там, вдали,
Ни жены нет у тебя, ни сына?

Что Али ответить милой мог,
Мол, ему давно на свете тяжко,

Мол, давно уже он одинок —
Умерла жена его, бедняжка.

Мол, с тех пор ни на кого вокруг
Не глядел. Горька несчастья чаша,
А теперь — другое, если вдруг
В жизнь его навек вошла Наташа.

Без тебя отныне мне не жить,
Оттого, мол, я все дни тоскую.
Так Али старался покорить
Стройную красавицу степную.

Так вот разговор они вели —
Он, как кудри у красотки, вился,
В это время младший сын Али
Вдруг невесть откуда появился.

— Папа, папа, папа, посмотри:
Мама возле дерева большого... —
У Наташи вдруг в глазах круги:
Поспешила скрыться, черноброва.

Вот и появилась Аслихан
С тихою улыбкою смущенной:
Может, муж ее случайно пьян,
Неужели он в нее влюбленный?

Деньги отдала и в тот же день
Вновь в родной аул вернулась горный.
А Али стоял, как будто пень, —
На сердце пахнуло грустью черной.

А Наташа лишь издалека
С той поры спокойно улыбалась.
Видел как-то он: ее рука
Нежно пряди чужака касалась.

Чаровала красотой пустой:
Рядом с нею каждый раз отныне
То старик бывал, то молодой...
А Али один был, как в пустыне.

Дни прошли на водах, как туман.
Кисловодск курортный покидая,
Думал он, что скажет Аслихан,
Милой, беззаветной, в оправданье.

И гудели горькие слова
В сердце у него с его виною:
— Дурья, дурья, дурья голова,
Что же ты наделала со мною?..

БЕЛАЯ ГОЛУБКА

Весть веселая прилетела
Вместе с солнышком к детворе:
Сизый голубь с голубкой белой
Поселились в нашем дворе.

Строят гнездышко меж балконов
И воркуют уже с утра.
Всем влюбленным сердцам знакома
Эта радостная пора.

И проходит, лицом светлея,
Под балконами юн и стар.
И уютнее, и теплее
Старый двор наш как будто стал.

Но в семье ведь — не без уroda:
Злобный мальчик наладил лук —
И нахмурилась мать-природа,
Когда голубя взгляд потух...

И осталась в гнезде голубка:
Видно горек ей дом пустой.
И непрочное, как скорлупка,
Опустев, разбилось гнездо.

Говорили мне, что мальчишка
Голубиную жизнь сгубил
Оттого, что еще он слишком
Несмышленным, маленьким был...

Я не верю. Нет, я не верю!
И родителям малыша

Я сказал бы: большие потери
Ждут вас вскоре: гибнет душа

У ребенка... А если душу
Потеряет — как станет жить?..
Очень просто гнездо разрушить,
И несложно птицу убить.

И нетрудно в том сердце хрупком,
Детском — выстудить все тепло...
...Где ж сиротка моя — голубка
Прячет голову под крыло?..

ВЕЧЕРОМ У БЕРЕГА МОРЯ

Воздух прохладен. Светит луна.
Плещут прибрежные волны.
Кто-то у моря песню поет,
Нежно поет и влюбленно.

Жаркая песня о первой любви,
Как океан, глубокой.
Счастлив невец на земле: ведь душой
В небе парит он высоком...

Стали слышней молодых голоса —
Видно, бегут мне навстречу.
Как я завидую им, молодым,
В этот сиреневый вечер!

В выси небесной льняная луна
В черную тучу зарылась.
Песни и трепетный говор любви
В темени растворились.

Вдруг я услышал встревоженный крик,
Пощечины звук и плача...
А парень со звоном гитару разбил —
О дерево... Что это значит?!

Парень разгневан и оскорблен...
Зря: ведь нельзя добыть
Грубостью — нежность! Нельзя никого
Силой заставить любить.

В сгустившейся тьме убегала она,
Как лань, промелькнув во мгле,

Как будто бы дикие звери гнались
За нею по темной земле.

Наутро к месту тому я пришел,
Где песня была слышна.
Но увидал лишь: швыряет о мол
Щепки гитары волна.

Черное море! Ласковый рай
Для беззаветно влюбленных!
Море дневное, ту песню мне жаль
Что смыли ночные волны...

Гуляет свадьба на селе,
И танец, горною рекою,
Джигитов славных закружил
Веселой быстрою волною.

Не видел я тебя во сне,
Не помышлял о чудной встрече,
Но ты пришла — и я судьбе
Не в силах более перечить.

Тебя, красивой, как цветок,
Не заслонить любой мечтою.
Я, как мальчишка, стригунок,
Стою, смущаясь пред тобою.

Невеста, как звезда весной,
Таинственным мерцает светом,
А ты, как полная луна,
Сияешь мне цветущим летом.

Глаза твои черным-черны,
Движенья плавны и достойны.
Я слушаю слова твои, —
Они сердечны и спокойны.

Перед твоею красотой
Робеют гордые джигиты.
Никто не скажет: «Будь моей,
Свети, как солнышко в зените».

С тобой плясал я абезех,
Рука твоей руки касалась,
И сердце падало мое,
Когда ты нежно улыбалась.

Была улыбка как бальзам
На раны сердца молодого.
И шлю мольбы я старикам,
Чтоб не отдали за другого.

Я напишу тебе письмо
О грусти тайной, о тоске,
Я приложу к нему кольцо —
На правой пусть горит руке.

Пусть пред твоею красотой
Робеют славные джигиты.
Но я скажу, скажу тебе:
«Ты солнышко мое в зените...»

Когда тебя нет со мною,
Я болен глухой тоскою.
Мой голос невесел и слышен едва.
Но как я речист с тобою!

Когда бы пришла на свиданье, —
Забыл бы я слово «страданье».
Но ты не пришла. Почему — я не знал.
Как горьки часы ожиданья!

Сомненьем и грустью объят я.
Лишь робкой надеждой богат я.
Обида жжет сердце слепое мое.
О, чем пред тобой виноват я?..

Иду я в твоё селенье.
Пойми ты мое мученье.
Неужто сейчас ты глядишь на других?!
Ты — боль моя и наслажденье!

И вновь я прошу, дорогая!
Решай! Изнемог я, страдая.
Ты в сердце мое загляни поскорей —
И все колебанья растают.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

Не смог тебя я встретить, ты прости!
Но жизнь была — сплошное ожиданье.
И вот сама приехала ко мне.
Как долго ждал я этого свиданья!

И вижу сам теперь: большой любви
Любое расстоянье — не помеха.
Уверен я: с тобой достигнем мы
Вдвоем в пути и славы, и успеха.

С тобой я вместе телом и душой.
Ведь ты и счастье мне, и утешенье.
Теперь мы в мире вместе навсегда.
Ты мне как будто неба откровенье.

Приляг же, милая, и отдохни.
Свет погашу, ночник тебе затеплю.
Не бойся ничего. Теперь ты дома. Спи.
Твой лик во сне и нежен, и застенчив.

Не близким был твой путь. Устала ты.
Любимая, родная, золотая,
Наветов не боясь и клеветы,
Пришла сама.
Спокойной ночи, дорогая!

ВДАЛЬ ГЛЯДЯТ МОИ ГЛАЗА

Песня

Я в сеть любовную попалась.
Прочнее нет сетей любви.
Твой образ мужественный, милый,
Взял в плен желанья мои.

Еще три месяца придется
Тебя мне ждать, любимый мой.
Пусть обо мне напоминает
Платочек тот, что взял с собой.

Я знаю: там, на сенокосе,
Ты всех, конечно, впереди:
Спешешь вернуться поскорее,
Прижать меня к своей груди.

Я помню: ласковыми были
Твои прощальные слова.
От черных глаз твоих горячих
Моя кружилась голова.

Я выйду на тропу крутую,
К тебе навстречу поспешу.
И пусть подружки засмеются,—
Всем про любовь свою скажу.

Ой, тучи черные, большие,
Не посылайте вы дождей.
Чтоб бригадир мой долгожданный
С работой справился скорей.

Я в сеть любовную попалась.
Прочнее нет сетей любви.
Твой образ дорогой, любимый,
Всегда хранят глаза мои.

Мое письмо осталось без ответа.
Я у тебя не вымолил привета.
Тревога в сердце любящем моем.
Я вижу ночь, но в ней не вижу света.

Зажги огонь свой в горестной ночи,
Любим лекарством сердце излечи!
Нет фальши в нем — одна лишь в нем любовь.
Ответь хоть что-нибудь, но не молчи.

Я знаю, что любовь твоя — награда.
Но не беги от счастья, как от града:
Свое я сердце для тебя открыл,
Как книгу. Так прочти, моя отрада!

Не прячь свою любовь в тайник бездонный.
Перед тобой коленопреклоненный,
Я все загадки разрешу твои —
И будешь ты навеки покоренной.

Как ласковы глаза твои и плечи!
И ты уже стремишься мне навстречу.
Пусть ты любима многими была,
Но я тебя в стихах увековечу.

Не ревнуй, дорогая, напрасно.
Жизнь без ревности просто прекрасна.
Кто бы ни полюбил меня страстно,
Буду верен тебе — это ясно.

Ты ведь в сердце моем поселилась,
Ты любовью моей заручилась.
Ты в мой воздух, в мой свет превратилась.
Правой стала рукой — так случилось.

Не скажу я напрасно, трусливо,
Что добра ты всегда, несварлива.
Но к тебе отношусь бережливо:
Выбрал ношу — неси терпеливо!

ТВОЙ ГОЛОС

Людмиле Кульбаевой

Я слышал голос твой соловьиный —
Молчал, дыхание затая.
Знавал и раньше усладу пенья,
Но тут — раскрыта душа твоя.

Хочу признаться, что чудный голос
Твой — исцелитель для сердец.
Когда выходишь, им зал одаришь —
Я снова счастлив, наконец.

Тот праздник песни я не забуду,
Как восхищенно томился зал!
Потом единым потоком шумным
Самозабвенно рукоплескал.

Звездой сияла — одна на сцене,
И поклоняться был зал готов.
И вызывали, и осыпали
Немым признаньем живых цветов.

И манит голос, и призывает,
И светлый праздник ведет с собой.
Зачарованно бег замедляет
Река Черек, слыша голос твой.

Так спой, душа, мне! Еще послушать
Волшебный голос, еще взглянуть —
Одной мечтою давно живу я:
Лишь этот голос рассеет грусть.

Высоко реет, он там сроднился
С вершиной горной в огне зари.
Любить я буду и буду помнить —
Его на память мне подари!

ДВА БЕРЕГА

Поднималась, разливалась,
Все сносила на пути,
Быстриной река пугала —
Вброд ее не перейти.

Унесла и мост, и сходни
И пучиной пролегла.
Как и нас, река бурлива
Разделила два села.

Издалеку друг на друга
Мы, печальные, глядим.
И любовь свою, наверно,
Буду я беречь один.

Как река ни бушевала,
Ни забавилась мостом,
Руку милую достану,
Сердце мне порукой в том.

Самый прочный мост на свете —
Это мост моей любви.
Выходи навстречу, радость,
Мой сердечный зов лови.

Впрочем, не рискуй собою,
Брошусь в злую круговерть,
Унесет меня пучина —
За тебя приму я смерть.

Не могу глядеть спокойно,
Как беснуется река!

Не могу на стан твой гибкий
Я глядеть издалека.

Берег тот и берег этот —
Пусть сольются берега.
Как мостом, проходишь сердцем —
Ты всегда мне дорога.

*ЕСТЬ ЛИ В МИРЕ КТО,
ТЕБЕ ПОДОБНЫЙ?*

Распахнулась в этот день, открылась даль,
Ожидания мне долгого не жаль:
Стройной ланью ты предстала предо мной
И куда девалась прошлая печаль!

Словно музыка прекрасная звучит,
Это сны мои, ожившие в ночи.
Где найду тебя — никак не представлял:
За рекой иль под ветками алычи.

Я тебя увидел в праздничной толпе,
Восхищенный, я приблизился к тебе,
Руку белую я трепетно пожал.
Яркой звездочкой сияешь ты в судьбе.

Не спугнуть бы мое счастье на беду.
Соловьиный голос твой звучал в саду,
Удивленный ветер дрогнул и затих.
Ах, других очей таких я не найду!

*Лучей у солнца — золотой колчан,
Пронзают стрелы белые туман.
И все ясней, все гуще, все сильнее
Пролился день — и молод, и багрян.*

С каждой смертью на земле — так считалось
ИСПОКОН —
Меньше станет на звезду в бесконечной синей
МГЛЕ.

Есть неправда на земле,
Злые люди на земле,
Что стремятся звезд лишить поредевший
НЕБОСКЛОН.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Цветы пестреют у надгробных плит,
Не умолкает птичья щебетня,
Траву вершинный ветер холодит,
Что стелется у Вечного Огня.

Он кажется мне алою листвою,
К нему припала память, как вдова.
Он — вечной Славы обелиск живой,
Он — о бессмертье подвига молва.

И миллионы судеб и сердец
Скорбящих видит он перед собой.
Огонь — терновой памяти венец,
Объединяет мыслью всех одной.

Сюда ведут всех матерей пути.
Увидишь слезы в искорках Огня —
Горит он у планеты на груди
Во имя жизни завтрашнего дня.

Восемнадцать их лежало на растерзанной земле.

До утра лилась в ауле, до утра — вина река.
Пировали, веселились Даутокова войска.

И, стреляя вверх от страха, оставляя всех
в слезах,
Полупьяные, с похмелья вдруг умчались на
рысях.

Но, однако, для порядка, чтоб надежды
никакой,
Все ж оставили убийцу над аулом всем главой.

С гиком, хохотом, со свистом, завершив свои
дела,
Из Хуламского нагорья сила черная ушла.

В мертвом поле, на равнине той, что названа
Фызы,
Лишь осталась кровь убитых —
Знак беды и знак грозы.

Горестных людей аула, что горами окружен,
Утро встретило в печали черным цветом
похорон.

Вот пришли они к убитым, вот пришли они
в слезах,
Развязали им веревки на руках и на ногах.

Вереницею носилки с теми мертвыми несут
И родным, от слез ослепшим, тихо, скорбно
отдают.

В черном трауре хуламцы. Этот день для них
во мгле.

С почестью своих героев, с честью предали
земле.

И хотя с тех пор грозových годы долгие прошли
Но могилы аульчане не забыли, сберегли.

Но в сердцах людей остался след той горестной
грозы.

Еще много раз о каждом
Из погибших на Фызы

Будут вновь стихи слагаться, как в былые
времена,
Будут гордо повторяться их святые имена.

Образы в сердцах — Чаммая, Чеппелёу,
Мактерй,
Хасанби — родного дяди. Все они богатыри.

В сердце я храню их нежно и люблю их всей
душой,
Хотя в давние те годы был еще я молодой.

О соратниках героев все сильнее оттого
Узнаю я постоянно у народа своего.

Незабвенные рассказы, незабвенные часы —
О бесстрашных, о погибших здесь, в ущелии
Фызы.

И, когда я приезжаю на побывку в свой Хулам,
Я стихи о них слагаю, всю любовь отдав
словам.

И встают передо мною, как в былые времена,
И встают передо мною лица, песни, имена...

НАША РОДИНА

На одном конце — вечерняя звезда,
На другом конце — бессмертные рассветы.
Родина, твои селенья, города
Радостною зеленью одеты.

На одном конце — ледовые моря,
На другом конце — заснеженные горы.
Родина моя, дочь Октября,
Широки твои весенние просторы.

Родина моя прекрасна и светла.
Жалок тот, кто вдруг ее осудит.
А кто множит славные дела —
Славою увенчан ею будет.

На одном конце ее восход,
На другом же — вечера граница.
Кто правдив пред нею — обретет
Славу, что в бессмертье воплотится.

Было нам когда-то в прошлом тяжело.
Но отныне в дружбе верной наша сила.
Солнце незакатное взошло,
Ясным светом судьбы осветило.

Солнцу вечно быть — не темной гиблой мгле,
Мы открыли людям радости науку.
Всем, кому мир дорог на земле,
Поддаем мы нашей дружбы руку.

О МОЕЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ
И О СЕБЕ

Лидии Николаевне Воробьевой

Отец погиб в борьбе от рук
Кадетов молодым
За то, что был большевиком
Отважным и прямым.

И матери лишился я
В суровые те дни,
И, дети малые ее,
Остались мы одни.

И вот на наш холодный дом
Обрушилась беда —
Нас быстро голод истощил
Без матери тогда.

Похоронив своих сестер,
Со старшим братом я
Расстался — он ушел искать
Работы и жилья.

С Якубом, младшим из семьи,
Остались дом стеречь,
Голодный дом, где — ни зерна,
Где не топилась печь.

Пришла пора покинуть дом:
Пошли и я и он,
Ища работы, по дворам —
Нужда со всех сторон.

Кто хлеба нам давал кусок,
Кто злобно палкой тряс.
Но люди добрые нашлись —
И приютили нас.

Батрачил брат у богачей —
Ходил за их скотом.
Меня же сельский комиссар
Отправил в детский дом.

Я благодарен до сих пор
Исхаку потому,
Что он рождению помог
Второму моему.

И вот средь шумной детворы
Ушли печали прочь.
Три русских женщины о нас
Радели день и ночь.

Мы чувство дружбы обрели
И верности права
Трудиться честно и букварь
Читать, писать слова.

Учительнице русской я
Обязан всей судьбой,
В ученье ставшей и во всем
Мне матерью второй.

Сердечной лаской ободрить
Старалась, словно мать,
Учила жить и верным быть
И русский понимать.

И слово русское ключом
Мне стало всех наук.

Я слово русское люблю
С тех пор, оно мне — друг.

О, Николаевна моя,
Прими поклон мой вновь
За сердце доброе твое
И чуткую любовь.

Большая жизнь. Одна —
в душе.

Других не узнаю.
Учительницу не забыть
Мне первую свою.

МАДИНАХАН

Как только началась война,
Ушел на фронт Тавка.
Ему лишения не страшны —
Дорога далека.

Родные вышли провожать
И счастья пожелали.
А он стоял, в шинель одет,
На стареньком вокзале.

Суровых, стриженных ребят,
Полным-полны вагоны,
Стучат колесами, спешат
На запад эшелоны.

День, словно месяц, год, как век,
И жизнь — из боя в бой.
Даже короткого письма
Не шлет Тавка домой.

Где сын? Что с ним? Все жди и
жди —

Сильнее нет тоски.
И вот уже ушел на фронт
Весной отец Тавки.

Надел он серую шинель,
Чтоб защищать свободу.
Ушел — и тоже ни письма,
Как будто канул в воду.

Ждала она и день и ночь,
Ждала, в беду не веря,
Когда ж безрукий почтальон
К ним постучится в двери.

Не пишет сын, не пишет муж,
И, глядя на дорогу,
Уже стесняться стала всех
За горькую тревогу.

А сердце остро чувствует, ждет,
Какое ее горе —
И похоронная с войны
Пришла на сына вскоре.

Пришла беда — и день погас,
На сердце боль и стылость.
И скорби черное крыло
На дом вдруг опустилось.

Писали ей в бумаге той,
Что сын достоин славы,
Пал смертью храбрых, как герой,
В бою у переправы.

Погиб героем на войне
За жизнь родного края.
И сердце матери в огне
Горит, не уставая.

И вот пришла другая весть
Беды неотвратимой
О том, что без вести пропал
И муж ее любимый.

Свою печаль, свою беду
Не передашь другому,

Что не вернется Асланбий,
Назад, к родному дому...

В глазах ее плывет туман,
И ком горючий — в горле.
Пришли родные и друзья,
Чтобы утешить в горе.

«Себя, родная, береги,
Ведь мы о том все тужим —
Жене жить вечно не дано
С любимым своим мужем...» —

Сказали так и разошлись,
Храня на сердце жалость,
Ушли, посетовав на жизнь.
Вдова ж в слезах осталась.

Лишь дочь не верит, что они
Теперь осиротели,
Что и отец её и брат
В огне войны сгорели.

А верит, что придут они,
Что на войне поныне,
И часто говорит: «Придут
Отец и брат живыми...»

Вот год прошел — Мадинахан
Теперь жена другого...
Вдруг Асланбий прислал письмо.
Она — рыдать готова!

Что делать ей? Она ждала —
Не дождалась солдата.
Пред совестью своей она
Совсем не виновата.

И не жена, и не вдова.
Не жизнь, а невезенье...
Лишь на сердце легли слова
Былого утешенья.

«Себя, родная, береги,
Ведь мы о том все тужим;
Жене жить вечно не дано
С любимым своим мужем».

Прошла война... И все ж живет,
Таясь, подобно мине,
В сердцах и мертвых и живых
Она идет доньше...

ЭФФЕНДИ

*Памяти славного поэта
Эффенди Капиева*

Я помню. Переполнен зал Колонный —
Шел первый съезд писателей страны.
Эффенди встретил там я в перерыве,
Мы встретились — мы встретиться
должны.

Я знаю, друг, что приходилось часто
Ходить пешком, скакать по склонам гор.
Поэзию любя, ты Сулейману
Открыл российский радостный простор.

И вывел в мир. Аулы посещая,
Разыскивал талантливых певцов,
Их окрылял по-дружески, народам
Ты смелый взлет показывал орлов.

Ты каждому помочь всегда стремился,
На верный путь упорно наставлял,
А к молодым поэтам и ашугам
Отцовскую заботу проявлял.

Поэзии родной постиг ты тайны,
И жизнь твоя — то путь, то недосып,
Похожа на поэзию. И в этом
Свидетель пред людьми — Абуталиб.

Когда бывал я у тебя в квартире,
Вели беседу дружно в тишине.
О жизни всех народов Дагестана
Рассказывал ты восхищенно мне.

Когда враги на край родной напали,
Чтоб раздавить фашистскую змею,
Ушел на фронт ты сразу добровольцем
И с честью защищал страну свою.

Ты огненных дорог прошел немало,
Перо сменив на штык, как верный сын,
Служил ты честно своему народу,
Покамест сердце билось средь вершин.

О как мы были молоды когда-то!
Скрепляет дружбой молодость сердца.
Когда я о твоей услышал смерти,
Как будто бы остался без отца.

...Болезни и раненья фронтовые
Поставили годам его предел.
И друг наш, брат наш, наш поэт Эффенди
Своих прекрасных песен не допел.

Не хочется сказать мне, что он умер.
«Вечна поэта истинного суть!» —
Так говорил из мудрецов мудрейший,
Поэта проводив в последний путь.

ЗАБОТЫ ВЕТЕРАНОВ

Жизнь еще ясней и краше стала, —
К этому привыкли мы вполне,
Мы средь раскаленного металла
За нее сражались на войне,
За нее себя мы не жалели,
Так трудиться только мы умели,
Ветераны жарких, грозных лет.
Все познали в жизни в полной мере,
И заботам нашим счета нет.
Надо, чтоб сердца не очерствели,
Чтобы люди сделались добрей,
Чтоб сравнялись с праздниками будни,
Чтобы сберегли навеки люди
Память горьких и геройских дней.
Много есть для подвигов простора
В нашей жизни.
В грохоте моторов,
В мирном гуле наших тракторов
Время еще громче зазвучало,
Юность нам на смену ныне встала.
Мы — народ великих мастеров.
Сколько их вокруг длинноволосых
Девушек, юнцов звонкоголосых —
Мчатся строить, побеждать, дерзать.
И в жару, и в стужу ледяную
Через всю страну напропалую
Едут степь с тайгой покорять.
И в тайге дремучей и зеленой,
И в пустыне, солнцем раскаленной,
В их делах — свершенье наших дел,
Продолженье помыслов высоких.

Манит свет созвездий их далеких —
Не поставлен им ни в чем предел.
Шли мы, спотыкались, подымались,
Никакому горю не сдавались,
Ветераны гордого труда.
Лишь одна у нас теперь забота —
Дать им силы новые для взлета,
В памяти остаться навсегда!

ВСЛЕД ЗА ВРЕМЕНЕМ

Гасит все звуки времени вата.
Сердце тревожно стучит, виновато.
Стерты из памяти строки стихов,
Что не успел записать я когда-то.

Горы сдвигают мои земляки.
Вспять обращают течение реки.
Только движенье минуты сдержать
Не научились мы. Время — крылато!

Годы проносятся мимо, трубя...
Если отстал — упрекай лишь себя.
Вовремя время командует: «Марш!..»
Проигрышем промедленья чревато.

Знаешь, что трудно потерь избежать? —
Так научись их не преумножать.
И запоздалые — строки стихов
Лучше, чем новая времени трата.

КНИГИ — СОБЕСЕДНИКИ МОИ

Книги — собеседники мои,
Верные товарищи и судьи!
Вы так бескорыстно помогли
Выйти мне, как говорится, в люди.

А теперь и сам к сердцам людей
Не с пустыми я иду руками:
Вы моих желаний и идей
Сделались теперь проводниками.

Вы — в горах надежные мосты.
Я страницам вашим доверяю
Самые заветные мечты —
Все свое тепло и дарованье.

Вожаком народу своему
Быть — не это ль счастье для поэта?
Я твой сын, народ, — и потому
И в моей душе немало света!

Гордость, обретенную в труде,
Радость, что живет в преодоленье, —
Все доверил, книга, я тебе,
Отдал землякам мое волшенье.

Грамотен сегодня мой народ.
И в любом ауле отдаленном,
Знаю — прочтает и поймет
Верный друг, в родную речь влюбленный.

Иногда нахмурившись сижу
И себя порою укоряю...

Но к заветной полке подхожу —
И любимый томик открываю...

Снова книга ум мой просветит
И укажет сердцу утешенье,
Слабость однократную простит —
И подскажет верное решенье.

В НОВОМ КОШЕ

Где пешим ходил (удивлю ли кого?),
Прах горских преданий со скал подымая,
Лечу на своем «рысаке» легковом,
И руль, а не посох в руках я сжимаю...

Железный скакун в скоростях горазд:
Гудит огневое нутро исправно.
Но вот заурчал, прибавляя газ:
Видать, перевал ему не по нраву.

Чинаровый лес позади, перевал
Прошли. Вот и кош с черепичной крышей!
Хозяин радушен. К столу позвал:
С айраном чабанским знакомство — ближе.

Течет разговор наш. В нем кривды нет.
Сердца отогреем беседой смелой.
Враньем не привыкли мы застить свет —
И черное не называем белым.

Как горные выси — весенний день!
Глаза чабанов просветляет правда.
И добрые лица простых людей
Сейчас для меня — дорогая награда.

Как будто раскрытые книги, их
Читаю: высокие носят мысли
В душе. Видно, воздух вершин седых
Их жизнь до большой крутизны возвысил.

Закат, словно шелк золотой, засиял.
Вершиныдохнули бодрящим ветром.

В кошару подпасок отару загнал —
И слушает радио в коше светлом.

А помню я: раньше в пещерах глухих,
В расщелинах скал чабаны ютились...
Сегодня не счесть грамотеев среди них:
И опытных, старых, и юных, сильных...

Вот книги на полках. Я к ним подошел —
Любуюсь товарищей именами.
Немало автографов тут прочел:
Видать, — не один я дружу с чабанами.

Вот я и приехал на жизнь посмотреть!
Завидная жизнь! В ней равенье — на горы!
Тут петь, и плясать, и в работе гореть
Умеют! И мыслям хватает простора.

ПЯТНАДЦАТЬ БОГАТЫРЕЙ

К 60-летию образования СССР

Сотшлись на одной тропе
Пятнадцать богатырей.
Сомкнулись в объятьи
едином —
И нет их в мире сильней.

Дружбе такой на века
Радуйся, славный народ!
Мужает страна родная,
Крепнет из года в год!

Как радостны лица вокруг
У стариков и детей!
Людей счастливее нет,
Чем люди Отчизны моей.

Каждому свет и тепло
Готов нести мой народ.
А тех, кто идет против нас, —
Разгром и бесславье ждет.

Пятнадцать богатырей
Думой одной живут,
Чтобы по всей земле
Царили свобода и труд!

Пятнадцать богатырей
Мирной семьей живут,

Но, если нагрянет враг,—
Врага беспощадно бьют!

Дружбой такой на века
Радуйся, гордый народ!
Мужает держава моя,
Крепнет за годом год!

Пора иноземцам понять,
Что зря пялят в злобе глаза:
Кто мира другим желает,
Того победить нельзя!

Пятнадцать богатырей
Стоят на границах страны
И дружбе своей великой
Они на века верны.

ПЛАЧУЩАЯ «СВОБОДА»

На Нью-Йорк опускается дождь ледяной,
Волны смога к земле прибывая.
Но кольцо небоскребов во тьму вонзено,
И реклама трещит, зазывая.

И всю ночь в толчее воспаленных огней
Мчат авто, как летучие мыши,
Пролетают, почти не бросая теней,
Растворяясь в тумане неслышно.

Терпеливо, как мать, на старинных ветрах
Возвышается немо «Свобода».
Свод законов и факел зажаты в руках:
Просит правды, добра для народа.

Свет вокруг посылая, спешит озарить
Закоулки, трущобы, укромы.
Но прогоркли ветра. Дождь тревоги звенит,
Мрак гуляет от дома к дому...

Стынут руки ее. Как пустынно, темно! —
И вздыхает «Свобода» печально.
Капли с век упадают, — как будто одно
Ей осталось: оплакать несчастья...

Как вуаль, опускается мрак на лицо,
Закрывая его от народа.
И сжимает ей грудь небоскребов кольцо,
И грохочет, как жечь, непогода.

Это плачет «Свобода», вспомнив гибель
Сонгми,
Вспоминая рубцы Нагасаки,

Вспомнив ад на земле, сотворенный людьми,
С думой: «Монстры — иль неслухи в драке?..»

Сколько зла и насилья вобрали глаза,
Что под веками — горя не спрячет!..
Вот и ветер затих и луна уползла..
Всходит солнце... «Свобода» все плачет.

КЛЯТВА БРАТЬЕВ

Война! Твой лик слепой,
жестокий —
И до сих пор передо мной:
Разрушит пуля сон глубокий,
Распахнет память бомбы вой...

Но среди всех твоих пожаров,
Горелого железа дня,
Неизгладимая картина
Осталась в сердце у меня.

...Минуты первой передышки.
Конец атаке. Смерти нет.
Лишь обжигают небо вспышки
От осветительных ракет.

Гул тупоносых самолетов
Умолк на время в вышине,
И черный шрам чужих окопов
Затих на левой стороне.

Мы в эту сторону немало
Послали ярого свинца!..
...А утром — снова — вой металла,
И битве не видать конца...

Фашисты, как кроты, вгрызались
В чужую землю в том бою.
Но бегством все же не спасались,
Держа позицию свою.

И нам досталось... Но разбитым
Нам не бывать: мы знали впрямь!
А карты гитлеровцев биты!
Мы встали не на жизнь, на смерть!

И пред решающей атакой
Четыре воина клялись
Отдать все силы, что остались,
Осилить смерть, спасая жизнь!

Клялись не забывать друг друга
На этой роковой меже.
Отчизне-матери опорой
Стать на последнем рубеже!

...Взвилась ракета — и пехота
Пошла! «Ура» — гудит в груди!
Четыре воина из взвода
Бегут, стреляя, впереди.

Четыре воина из взвода
Штыками расчищают путь.
И в гущу врезались, и гонят
Врага, и бьют, и в плен берут...

Фашист раздавлен, смят,
растерян, —
Под мощным натиском бежит,
Неся тяжелые потери,
Оставив наши рубежи.

Четыре воина, как братья,
Ведут, обнявшись, разговор...
Наутро, помнится, к награде
Представил их седой майор.

Доныне бьет в сердце нам порох войны.
Доныне сполохи сражений видны.

От прошлых пожаров, от огненных лет
Во сне от кошмаров спасения нет.

От воспоминаний убежища нет.
Ни в поле, ни в море, ни в сонме планет.

От памяти страшной спасения нет.
От старых потерь не рубцуется след.

Такому недугу лечение одно:
Знать, что повториться беде не дано,

Что облик, язык и несхожесть идей —
Не повод еще к истребленью людей.

Кто черную руку над миром простер?!
Кого позабавит вселенский костер?! —

Лишь тех, кто жирел на крови и слезах
И слабый рассудок терял в грабежах.

Давайте ж попробуем рознь устранить!
Поучимся мудро и празднично жить!

Я верю, что мирную волю землян
Не сможет сломить поджигателей клан.

КРАСНЫЕ МАКИ

— Остановить оккупантов
Или погибнуть в бою!.. —
Горсточка юных курсантов
Билась за землю свою.

Жарко высотка пылала.
Бились и ночью, и днем.
Души, — хоть не из металла,
Но закалялись — огнем.

Шли тупорылые «тигры»
Через лавину огня —
Словно жестянка на тигле,
Плавилась в схватке броня.

...Юные очи отважно
В прорезь прицела глядят.
Зная — живем лишь однажды,
Жизни своей не щадят,

Чтобы когорта тех танков
Гитлеровских не прошла,
Чтоб захлебнулась атака,
Чтобы Отчизна цвела,

В землю легли молодыми.
Кровь молодых горяча:
Алые маки над ними
И обелиск, — как свеча.

Дальше в долине разлито
Алое море цветов.

Ветер стирает с гранита
Пыль быстротечных годов.

Блещут холодные грани,
Свято храня имена
Тех, кому здесь испытанье
Смертью — сулила война.

Души высокие слыша
Тех, кто под ним погребен, —
Нынче курган этот выше
Стал пережитых времен.

Выше на холм тот могильный,
Выше на тот обелиск,
Где эти юноши сильные
Выше себя поднялись.

БАЛЛАДА ОБ ОРЛЕ

Свил гнездо свое черный орел
На высокой черной скале.
Раздается клетот птенцов
В голубой поднебесной мгле.

То окружают туманы гнездо,
То нахлынут белые тучи,
Но свободно и плавно парит
В поднебесье орел могучий.

Видит, как на террасе скалы
Беззаботно отары пасутся,
Как, туман разрывая, лучи
К расцветающим пастбищам рвутся.

Но однажды случилась беда:
Грозовые нагрянули тучи.
Взвилась молния! Буря пошла —
И обрушила грозные кручи.

Разразился в горах камнепад.
Понеслись селевые потоки —
И погибло гнездо орла,
И остался орел одиноким.

То не глыбы рушились вниз,
Не вода неслась напролом —
То рыдала во мраке душа орла
С перебитым крылом.

Оставляя кровавый след,
Он выглядывал зорким оком

Место новое для гнезда,
Чтоб не быть в небесах одиноким.

Снова солнце пылает в горах,—
И аулы теплом осеняет.
Но не выжил наш черный орел,—
С перебитым крылом — не взлетают.

Не забыть его юным орлам,
В этом мире еще не пожившим:
С ними в небе как будто парит
Великан могучий, погибший...

Как легенда, живут среди гор,
Возрождаясь в иных поколениях,
Его воля, бесстрашье его,
И к немеркнувшей жизни стремленье.

ПЕЧАЛЬНЫЕ КЛЕНЫ

Памяти Михаила Киреева

Звезды обильны, а в поднебесье
Рыскает ветер. Падают с крон
Жухлые листья. Горькие вести
Соединили сегодня нас, Дон.

Губы бедою мне обметало.
Холодно в мире, студено в душе.
Друга не стало. Друга не стало.
И ничего не исправишь уже.

Помню, любил он наши прогулки,
Ленет кленовый, лиственный звон...
Нынче аллеи пустышни и гулки.
Нотою скорби воздух пронзен.

В конусе света — брызги фонтана.
Мертвый фонарный призрачный свет.
Все здесь знакомо. Только фатально
В этих аллеях нет его, нет!

Будто сорвался нечаянно с кручи, —
И не успел закричать на лету,
Будто смеялся солнечный луч мне,
Да, замурованный в туче, потух...

Воздух прозрачен. Ветер прохладен.
Бледно-лиловым светом асфальт
Слабо подцвечен. Но безотраден
Ветра дрожащий простуженный алыт.

Скорбная ликом, жена почернела,
Сразу истаяла, словно свеча.
...Как его сердце теплое пело!
Как его шутка была горяча!

Как он работал до изнеможенья!
Сутки казались ему коротки!
Как понимал молодое свеченье
Тонкой, чеканной, жаркой строки!

Осенью поздней я заплутаюсь
В цвете кленовом, как в янтаре,
Сердцем застыну... Но не досчитаюсь
Друга ни в полночь, ни на заре...

Верное сердце — последняя правда.
Дружбу и смерть не повергнет во прах!
...И навсегда остается отрада —
Память бессмертная — нам о друзьях.

ОТВЕТ МУДРЕЦА

— Скажи, аксакал, мне, скажи, не тая,
Что нужно джигиту для счастья?..

— Рук пара, ног пара. Еще голова
Да сердце, объятые страстью...

— Постой, аксакал! Я красив и силен,
И к жизни веселой пристрастен.
Тогда почему зарождается стон
В душе, как предвестник несчастья?..

— Поверь старику, беспокойный джигит:
Ты счастье познаешь на свете,
Коль тело в труде благородном сторит,
А сердце жизнь людям осветит.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Говорят в народе: «Тот лицом красив,
Кто красивой шапкой голову накроет...»
Шапку ж, глупую, одно лишь беспокоит:
Чтоб неглухой человек ее носил.

Мне сказали: провожают по уму!
Я ответил, поборов свое смущенье:
«Скромнен я. Уж если встретите с почтеньем, —
Провожать, наверно, будет ни к чему».

Мой знакомый, что всегда казался глуп,
Вдруг воссел на высоченнейшее кресло.
Важен стал, как будто мудрость в нем
воскресла.
...Не лечить ли должностями всех, кто туп?..

Жаль, что преодолевая высоту
И к вершинам поднимая очи гордо,
Забываем иногда смотреть мы вниз:
Чтоб нога на крутизне стояла твердо.

Обратились за ответом к мудрецу:
Как прожить, чтоб не состариться вовеки?
— Умереть в зените славы молодым, —
Он ответил, притворив устало веки...

Чем от зависти к другим изнемогать,
Тратя силы на пустое озлобленье,
Лучше ревностно приняться за дела,
Чтобы вышел результат на удивленье.

Если опыта косарь не накопил —
Утешают, мол: косу купил — дал маху!
Если стих тяжеловесен и уныл,
Не вини свое перо или бумагу.

Пересохнет торопливая река.
А медлительная может стать болотом.
Только мудрость помогает нам избрать
Темп и меру, чтоб достичь в судьбе чего-то.

— Погляди, тебя я выше и белей! —
Нависая над скалой, гордился камень.
Вдруг сорвался — и разбился на куски.
Ну, а серая скала стоит веками.

*И длинны ее ресницы,
И глаза ее черны.
Брови — в жизни не приснится! —
Полудужия луны.*

СЧАСТЬЕ КУЗНЕЦА

Поэма

I

Хочу вам про Конака рассказать.
Хоть, может, с ним знакомы вы и сами...
Он мой земляк. Я у него бываю
Привык тогда... И пел он мне — часами!

Как пел Конак! Я слышал много раз
Старинные предания и были
И сказки от него... Но про запас
Он песню новую имел всегда.

Любили
Его друзья:
Приветный свет в глазах,
Отзывчив, мудр. В любой беде — опора.
Работа всякая горит в его руках.
Все споровисто делает и скоро!

Возьмет свирель резную — и напев
Прогонит сразу все твои тревоги,—
И ты сидишь близ песни, присмирив,
И видишь лица, годы и дороги...

Казалось, — счастлив человек вполне.
Судьба его не треплет, не тревожит...
Но с ним бывали мы наедине —
Тогда я видел: грусть Конака гложет.

Спрошу бывало: — Ты опять грустишь?
Конак, о чем?.. — Он поглядит печально,

Пожмет плечами, отвернется. Лишь
Чуть усмехнется: дескать,— все нормально.

Я понял, он страдает неспроста:
Женился он... И так уж получилось,
Что в дом вошли любовь и красота,
Но рядышком — обида поселилась.

Жена была, как лилия, нежна.
С волной волос, вся — свежесть и блистанье,
Сладкоголоса, как сама весна,
С распевными медовыми устами...

С тех пор, как стали жить они вдвоем,
Не сделали поодиночке шага.
Друзья стекались в их радушный дом,
Где прижились и радости, и блага.

Но, хоть была на редкость Татлыхан
Красива,— и не зря ее прозвали
Прелестницей,— не за прекрасный стан
И тонкий лик: за верность уважали
Жену Конака. Очарован был

Подругой и взыскательный хозяин:
Жалел жену, берег ее, любил.
...Но даже с закадычными друзьями
Молчал о тайной горести своей,

Пресечь не торопился кривотолки,
Так рассуждая, видно:
— Чем я ей смогу помочь?!
Ведь растревожу только,

Обиду нанесу,— коль землякам
Открою истину, что жизнь моя — пустыня:

Наследника не дарит Татлыхан.
Кому я передам очаг и имя?..

Душа крепка. Да ноша нелегка.
— Стареешь, брат, — звучит в душе невятно,
И годы уплывают безвозвратно,
А сердце жжет сиротская тоска...

Вот так и жил он с застарелой болью.
Но... Золото и в пепле — все блестит!
На ферме, на любой работе в поле
Конак привычно всех опередит...

Примером стал и совестью для всех.
Но в шуме дней, заботами объятых,
Все ж с тайной завистью порой он слушал
тех,
Кто о своих рассказывал ребятах.

...Столкнулись — горе и любовь. Как быть?
Неужто, Татлыхан придется бросить?!
Не всякое же дерево рубить,
Которое не может плодоносить...

Не яблоня под тяжестью плодов,
Ты — стройная чинара! Не печалься,
Родная Татлыхан. Я ждать готов:
Ведь нет твоей вины в твоём несчастье!

Так думал он порой. Но иногда
Отчаянье толкало на другое:
— Мужчина ль ты, Конак?! Идут года,
Проходит жизнь. А вас, как раньше, — двое!

И вот уж, сердце кое-как скрепя,
Конак жене толкует терпеливо,

Что нет детей. А жить лишь для себя
Не может он. Судьба несправедлива,
И, видно, им придется разойтись.

...Беда стеснила Татлыхан дыханье.

В глазах поплыл туман...

— Конак, прости!

Ты прав. Хоть нет страшнее наказания
Мне на земле, чем, брошенной тобой,—
Жить одиноко...

Но с тобой не спору.

Я вытерплю неслыханную боль:

Сама свое посеяла я горе.

Я виновата, что ушла любовь.

Я к матери вернусь. Она поймет,

Что дочь лихой раздавлена судьбою.

И примет, и к груди своей прижмет...

Прощай, Конак! Душа моя — с тобою.

И знай: твой друг — и мне друг на всю

жизнь!

Твой враг — мой враг. Я помню это свято.

А в том, что мы с тобою разошлись,

Моя любовь совсем не виновата.

Жаль мать: перенесет ли наш развод? —

Ведь видела в тебе родного сына!

Да что поделывать! Если плетью бьет

Судьба — то не одну достанет спину.

Но брат мой, и сестра, и даже мать

Тебя не проклянут за эту рану.

А если сам придешь ко мне опять —

Твоей перечить воле я не стану.

А ты живи, не опуская глаз.
Не предавайся скорби и печали.
Видать, таков удел мой. И до нас
Порядок этот люди соблюдали...

...Конак, надвинув шапку до бровей,
Стоит, в лицо ей поглядеть боится.
И сердце Татлыхан еще сильнее
В груди трепещет пойманною птицей.

Так тихо, словно в доме — ни души.
Устал от дум он, и она устала.
И долго в хмурых сумерках, в тиши
Над ними тень отчаянья витала...

Но вот Конак, решившись, резко встал,
Взмахнул рукою — и промолвил строго:
— Я все решил! Тут ни к чему запал.
Давай-ка подождем еще немного.

Нашла лишь силы Татлыхан кивнуть.
«Не бросил все же! Что ж я столбенею?!»
И поняла — ей разрывала грудь
Одна лишь мысль: Конак расстаться с нею
Хотел навек... Но вновь горит очаг,
И снова сердце отдано надежде,
Что жизнь отныне потечет не так,
Что будет сын. Но год прошел, как прежде.

Зима суровой, долгою была.
Но вновь распахнут лес шатром зеленым,
И речка говорлива и светла,
И тянут к небесам вершины клены,

В них поднимая гнезда высоко...
И ветки яблонь отягчила завязь.

И кровь земли прихлынула легко,
Чтоб заалели вишни, наливаясь.

Всему свой срок. В природе и в судьбе!
Кто выжить в стужу мужество имеет,—
Счастливый час приблизит сам себе,
Лучи удачи жизнь его согреют.

Вот так и Татлыхан. Видать, не зря:
Явила жизнь сочувствие и милость —
Пылают щеки и глаза горят...
Лицо Конака счастьем осветилось.

Видать, на сердце стало потеплей:
Стал горделив и словно выше ростом.
И ласково поглядывал теперь
На Татлыхан свою в халате пестром.

Вкус солонины, будто в первый раз,
Почувствовала, аромат айрана *
Вдруг Татлыхан... Настал урочный час:
Жизнь новая просилась в мир упрямо.

Вот срок настал — и пухленький джигит
Залепетал,— в семействе самый главный!
Отныне жизнь горит, а не чадит.
...И полон дом гостей, и стала плавной

Походка Татлыхан. И жест ее
Любой — охранен, бережен, прекрасен.
Конак помолодел, опять поет,
Гостей встречает, добродушен, ясен.

Он возрождён! Судьба щедра к нему!
Прибавился носящий шапку в доме:

* А й р а н — простокваша.

Он не один в пути. И потому
Он потирает радостно ладони.

Вот, не ломая голову, спеша, —
Чтоб жил на свете долго и счастливо,
Они мальчишку нарекли Жашá *.
Считаю, — поступили справедливо.

Имен почетных столько есть у нас,
В Балкарии родной — сочтешь едва ли.
Но лучше, чем вот это, в добрый час
Кому еще так радостно давали!

И вот гудит в доме богатый той
И стонут, перегружены, качели **.
Неутомим гостей шумливый рой:
Такое долгожданное веселье!

Гудит застолье — счастьем жизнь полна!
И каждый друг, — как истовый гуляка,
Не рассчитав усилья от вина,
Уж больно треплет за уши Конака:

Таков обычай. Женщины развлечь
Стремятся краснощекого ребенка.
Все тискают! Одну лишь знают речь:
— Ах как хорош! Ах как кричит-то звонко!..

— Пусть будет сын удачлив и красив! —
На все лады тут здравицы звучали.
...Но, наконец, хозяев одарив,
Устало гости собираться стали.

* Ж а ш а — в переводе с балкарского — «живи».

** По обычаю, в честь первенца на качелях поют
добрые пожелания.

Дела оставить и прийти — легко
Туда, где — знаешь — рады бесконечно.
Трудней в свой час покинуть торжество,
Исполнив долг симпатии сердечной.

Ушли иные, нагостившись вволю...
Другие же — забылись за столом,
Хоть и пришли гораздо раньше в дом.
Конак не торошил их, не неволил.

Не расходились, хоть совсем тихи
Их стали голоса, устали — лица.
А сельские спросонья петухи
Трубили: — Скоро солнце загорится!

...Почтенный самый гость поднялся в рост,
С бокалом полным — помолчал немного,
Завершающий, смысла полный, тост
Провозгласил — и ласково, и строго:

— Аланы, — произнес седой отец, —
Все принесли сюда мы поздравленья.
Но всякому началу есть конец —
И тою наступило завершенье.

Пусть сказанное нами тут, в дому,
Исполнится добром и плодородьем!
Мой долгий век — порукою тому,
Что не последний раз сюда приходим.

Затих бокалов звон. Остепенясь,
Кто припозднился — собираться стали.
Надев папахи и в дверях теснясь,
Конака на прощанье обнимали.

И в тишине уснувшего села
Лились слова хвалебные Конаку.

...Иных — хмельная дрема оплела,
Неверны их шаги в рассветном мраке,
Невнятные, обессилены слова.
Влекутся, друг на друга опираясь, —
И улицу пустынную едва,
Обнявшись, одолеют, спотыкаясь...

А молодой гостеприимный дом
Вновь ожил и преобразился: светел,
Открыты окна, и в дверной проем
Легко влетает предрассветный ветер.

И слышен по округе каждый звук:
В доме уборка. Суетятся люди.
Стук стульев убираемых и стук
Скамей, досок и тонкий звон посуды...

И шустрый веник по полам шуршит,
И кто-то стол скребет с веселой силой,
И снова принял дом уютный вид,
И Татлыхан устала, но красива:

Всех обласкал Конак, всех проводил
Внимательно, заботливо, как надо.
Теперь всем своим видом говорил:
Устал, как говорится, до унада.

А Татлыхан, еще полна забот,
Размякшего супруга уложила —
И, подождав, покуда он уснет,
Над изголовьем, тихая, застыла.

Безмолвная застыла, как свеча.
Взгляд выдает то ласку, то тревогу...
Вот муж, во сне бессвязно бормоча,
Затих, угомонился понемногу.

Наверно, видит он чудесный сон,
Встречается с любимейшею сказкой:
Лицо освещено со всех сторон,
И мягкие на нем играют краски.

И кажется отцу в глубинах сна,
Что на лугу, с сынишкой, он весною,
И, прутик оседлав, как скакуна,
Джигит его резвится с ребятаю.

...Малыш ли вздрогнет, иль отец не спит, —
А матери в заботах все едино:
То пол метет, то у плиты стоит,
То коротает ночь над люлькой сына.

Так долгожданный, — сын руководит
Всей жизнью материнской. Мать ликует!
Захнычет чуть — орлицею летит
К нему: качает, нежит и воркует...

То запоет, то на руки возьмет,
И кормит чуть не каждый час малютку.
Хоть, сытый и довольный, — он заснет, —
Мать не смыкает глаз ни на минутку.

А если, утомясь, задремлет вдруг,
То лишь на миг — и не пропустит время
Кормленья... Стали зрение и слух
Богаче. Ощущения — острее!

И столько за день выпадет забот,
Что кажется — им нет конца и края...
Кто добрым человеком прослышет,
Труд этот не ценя, не уважая?

Труд матери, чье время целиком
Беспомощному отдано младенцу.

Безмерен счет хлопот ее. И в том
Цель жизни видит мать. Стремленье сердца.

Нелепо сомневаться, что отцы
Детей любить умеют: плоть от плоти!
Но умиляться: вот, мол, сорванцы, —
Легко. Любовь же матери — в заботе!

Не гаснет сердце матери — горит
Очаг ее любви! Входите, дети,
В Дом Сердца Матери!
Он для любви открыт
К родным, к народу, к Родине, к планете.

II

Рассвело. И время подошло
Просыпаться. К делу возвращаться.
Гомоном наполнилось село:
Время на работу собираться.

Встал Конак... Прохлада — во дворе!
Он водой умылся родниковой.
А жена смеется: — Поскорей!
Завтрак на столе стоит готовый!

Ест Конак. Степенно, не спеша, —
Как главе семейства подобает.
В люльку заглянул: сопит Жаша!
Улыбнулся ясно: подрастает!

Предвкушая радости труда,
К кузне подошел своей колхозной.
Чтоб одним из первых, как всегда,
День начать работою серьезной.

Угли раскалил, раздул меха:
Воле подчинен металл — и власти!

Хватка и проворна и лиха:
Глянешь — и поймешь: у горна —
Мастер!

Проработав столько долгих лет
В поле и на ферме неизменно,—
Нынче он — кузнец — огня полпред!
В трудном деле мастер совершенный.

Руки крепки. Мышцы, словно жгут.
В каждом жесте — мужество, сноровка.
Пашут, боронуют или жнут —
Лишь его используют поковки
Земляки...

Народный гений прав,
Издавна считая чудотворным
Дело кузнеца: металл, попав
В руки умные, — становится покорным!

Для Конака — музыкою — звон
Крутолобой черной наковальни —
И металл краснеет, разъярен,
Корчась, как от боли, под кувалдой.
И сдается... Под ноги летят
Искры и окалина, как звезды.
И, мерцая на полу, горят,
Затухая медленно и грозно.

Рядом с кузнецом — два паренька:
Подмастерья, — изучают дело.
Добровольно два выпускника
После школы здесь остались смело.

Им Конак — наставник хоть куда!
Делится своим богатым знаньем.

Тайны огнепального труда
Парни постигают со стараньем.

Так вот и работают втроем.
Мудр Конак. Молотобойцы — юны.
Закаляют сталью и огнем
Дум и душ чувствительные струны.

Коль спросить, — любой его земляк
Без запинки вам ответит скоро:
— Работяга, труженик — Конак!
Для семьи — добытчик и опора.

Как ведется: «Дел невпроворот!» —
С гордостью вам скажут о мужчине
Занятом... Но редко кто учтет
Тяжесть женских дел, хлопот о сыне...

С думой в люди вывести детей
Женщина всегда живет любовью,
В материнской щедрости своей
Красоту теряя и здоровье.

Как им трудно — юным и седым —
Мы не замечаем — так бывает.
Иногда случается — один
День — у женщины годы отнимает...

Но Конак у нас не из таких,
Кто жену считает за рабыню.
В круговерти будней трудовых
Нежность бережет он, как святыню.

От души желает, чтоб жена
В новой, доброй жизни расцветала,
Чтоб оделась хорошо она,
Чтоб ни в чем стесненности не знала.

Ни косить, ни молотить кузнец
Татлыхан любимой не позволит.
Как достойный муж и как отец,
Он о ней заботится и холит.

Кто б посмел напраслину сказать,
Что Конак подругу обижает?!
Но... Кузнец с утра идет — ковать.
А ее заботы окружают.

Жизнь идет, цветет, как вешний луг...
Колыбель покинул их сыночек.
К ласковому матери теплу
Тянется, как к солнышку росточек.

Воспитанье сына целиком
Возложил Конак наш на супругу,
В деле деликатнейшем таком
Ей вполне доверившись, как другу.

Вспомним между тем, что иногда
Мамы слепо любят свое чадо —
И большого стоит им труда
Воспитать, направить так, как надо
Сына или дочь...

...Не все умны
Любящие... Виноват сынок ли?
Иль сама? — с обратной стороны,
Точно в перевернутом бинокле,
Видит мир отныне Татлыхан...

А любовь у матери — одна ведь! —
Если в воспитаньи есть изъян, —
Будет нелегко его поправить.

Детство смотрит истинам в глаза,
Жизни суть упрямо постигая.
Время быстро мчится, как гроза,
Храм души бессмертной воздвигая.

Время — зодчий! Подмастерьям, нам
Часто застят истину заботы...
Будь удачлив, праведник Конак!
Время — получать от жизни льготы!..

Но Конака светлая душа
Не болит. Одно лишь угнетает:
Что одною веточкой — Жаша —
Древо их семейное взрастает.

Вот пришел нелегкий час судьбы:
Не сдержат ни ласкою, ни книжкой —
Чуть скажи — взовьется на дыбы
Наш Жаша: ждет улица мальчишку!

Как бы ни молила его мать:
— Не ходи! Побудь со мной! — Куда
там!..

От дворовых игр не оторвать.
Как на крыльях, мчится он к ребятам.

Верит материнская душа:
Ничего плохого не случится.
Тянется на улицу Жаша,
Как весной на вольный ветер птица.

Но все чаще слышит Татлыхан
От любой приметливой соседки:
— Слишком шаловлив твой мальчуган.
Грубый, и задиристый, и едкий...

Мать не хочет правды признавать:
— Не поверю ни за что на свете,
Что один Жаша мой виноват.
Это ваши хулиганят дети!..

Ах, слепа любовь ее, слепа...
Не под силу ей птенца родного
Обвинить, отринуть от себя,
Наказать за выходки сурово.

III

В играх своих груб Жаша. Одно
Знать привык: что нравится — всё
можно.

Веткою хлестнул — разбил окно:
Стекол звон его не потревожил!

Дерзок. Словно в сердце у него
Свил гнездо какой-то злобный ветер!
Знать он не желает ничего:
Что нанес урон — и не заметил...

Испугавшись, выскочила мать
Из дому — и вот при всем народе:
— Что с тобой?! — пустилась
причитать... —
Кто разбил окно нам?! Где негодник?!

Ищет виноватого она.
Кто обидел дорогого сына?!
...Снова его дело — сторона:
Нашкодил — а числится безвинным.

Вот Конок вернулся. Лишь одно
И спросил (хотя не ждал ответа),
Глядя на разбитое окно:
— Чья работа?! Ты устроил это?!

— Ты чего взвился, — вступилась мать. —
Все бывает!.. Крепости беспечно
Время научилось разрушать,
А не то что стекла! Все — не вечно!

Промолчал Конак. Искать не стал
Истины простой и достоверной.
Жаль — стекла нигде не отыскал:
Вырезал — и вставил лист фанерный.

Знает: нынче все идет к тому,
Что в семье нарушен мир согласный.
Взяв бразды правления в дому,
Стала Татлыхан угрюмой, властной.

День-деньской работает Конак,
Как всегда — в труде полезном — первый.
Но возрастает буен, как сорняк,
Сын — лишен отцовского примера.

Напроказит маменькин сынок,
Нагрубит иль слабого обидит,
Иль ударит друга, — невдомек
Матери рассердиться. Не видит

Ни вины, ни промаха его...
А Жаша нашкóдит — и в сторонку.
А на завтра — то ж: побьет кого,
Иль задушит слабого цыпленка —

Знает: с рук сойдет! Своей вины
Не заметит... Черство и жестоко
Детство, — если власти лишены
Слово и родительское око.

Вот девчонок за косы начнет
Дергать... Вот отдавит кошке лапу...

Бедокурит. Сладко ест и щет,
Положась во всем на маму с папой...

Но... Коль в песне ни к чему припев, —
Если сам куплет не исполнялся, —
В сказке важно, чтобы смысл, созрев,
Полностью к развязке прояснялся...

Поспешим за Временем и мы,
Нашу повесть дальше продолжая.
Вот уж скрылись прошлого холмы,
Будущего дали приближая...

IV

Мои герои постарели:
Морщины возраста видны,
И стали будто не при деле, —
Вдали от главных дел страны.

Уж поколение иное
Кует металл. Детей растит.
И убеленным сединою
Долги стремится возвратить.

...Вот и Жаша подрос, — и разум
Его окреп. Он держит дом!
И детские свои проказы
Он вспоминает со стыдом.

Окончив школу на «отлично»,
Остался жить в селе родном,
Под кровом ласковым, привычным,
Пред добрым отчим очагом.

Видать, — хоть и незрячим было
И праздным — матери тепло, —

Зерно в сознание заронило —
И в умном сердце проросло

Зерно любви, зерно усердия...
Беспечность прежняя ушла,
И добрым стал, и милосердным,
И сострадательным — Жаша.

Знать, нрав запальчивый смирялся
И прилежаньем, и трудом...
Меж сверстниками выделялся
Он волей, выдержкой, умом...

И руки к вековой работе
Крестьянской льнули: он ее
Знал: ведь крестьянин — плоть от
плоти!

И горд Конак: — Дитя мое!

Все понимает! Все умеет!
Вот косу выправить спешит.
За руль посадят — не сробеет.
И в кузню с радостью бежит.

Отец на пенсию с почетом
Ушел — век славный доживать.
Но жить не может без работы
(Хоть стал быстрее уставать...).

Берет уроки у отца
Жаша: наставник — лучше многих!
...Поет коса, звенит коса...
Роса косцу щекочет ноги.

Он молодостью так богат!
Едва наметилась бородка, —

А уж соседки говорят,
Что, дескать, сыщется молодка —

Гляди, Конак! — и в дом войдет!
...Но слышать этого не хочет
Жаша: лишь мать произнесет
«Женись», — уйдет — и нет до ночи.

Но ласточка, гнездо лепя,
Его возводит из пушинок.
И капли, медленно долбя,
Пробьют и камень, словно глину.

Запрудую не затворить
Поток, летящий, словно птица.
О деле без конца твердить —
Оно когда-нибудь свершится!

Твердят знакомые, друзья,
Явив завидное терпенье:
— Ну как же это?! Так нельзя —
Сидеть затворником все время.

— Ты б нынче в клуб ходил, сынок, —
Бубнят родители без меры.
— Вот где б ты сам увидеть мог,
Какие дамы, кавалеры...

Родные, близкие, отец —
Все скопом. Не уступишь, разве?
И вот он сдался наконец.
Оделся, — прямо как на праздник!

С друзьями вместе (Татлыхан
Их наконец подговорила

За ним зайти) — смущен, румян —
Пошел он в клуб. Там шумно было.

Был каждый весел и хорош.
Плясал, как будто бы впервые.
Сближает праздник молодежь,
Сердца волнует молодые!

Что лучше, чем веселый той,
Где девушкам привольно скромным,
Где кружится их пестрый рой
Весь вечер в абезехе томном?..

Вот заиграли тюз-тепсеу:
Танцующие, как ручей,
Поплыли... Вот ему на смену
Приходят ритмы горячей:

Хлопки и крики, как обвал,—
Встречают жаркую лезгинку.
Сверкает, плещет шумный зал.
И все тут для Жаша в новинку.

А дома, весело смеясь,
Толкует Татлыхан супругу:
— Моя затея удалась!
Уж там-то сыщет он подругу.

Конак сказал на этот счет:
— Хорошее свершилось дело!..
Ликует Татлыхан, цветет,
И даже вдруг помолодела!

Мечтательно вздыхает мать:
— Один такой. На всю округу!
Сегодня должен отыскать
Себе достойную подругу.

Вот тамада решил позвать
Жаша на круг. На горский танец.
Но тот стесняется начать:
То — «не умею», то — «не тянет»...

И так, и эдак ускользнуть
Жаша пытается из круга,
Но тамада: решил втянуть, —
Чего б ни стоило, — за руку
Берет — и нехотя Жаша
Выходит, танец начинается,
Плывет по кругу не спеша,
И взгляд стыдливо опускает.

Но вот смелей пошел. Смелей
И праздничней!
К девичьей стайке
Подходит. Кланяется ЕЙ.
В глаза ей смотрит без утайки.

Кызый — красавица. Жаша,
Видать, давно ее приметил.
Стоит пред ней, едва дыша —
Ждет с трепетом: а как ответит?..

Щебечут девушки. Жаше
Подмигивают... Вот подругу
В круг вытолкнули. Вот уже
Они плывут, плывут по кругу...

Жаша оправился — и стал
Так строен: перестал стесняться!
И у партнерши гибок стан, —
Как будто создана для танца.

Девчат ладони уж горят
И от хлопков, и от волнения.

И парни с гордостью глядят,
Что сбросил друг оцепененье.

Но, круг пройдя, — ушла Кызый:
Жаша растерян и обижен.
В глазах смутившихся друзей
Поддержки ищет он, — унижен.

Еще попытка: новый круг!
Но не торопятся горянки
К танцору выйти. Срежь подруг
Кызый главенствует. И вряд ли

Решатся девушки пойти
Наперекор ей.
— Посмотрите, —
Кызый хихикает. — Почти
Уверен был, что он — в зените
Успеха! Возомнил, небось,
Что я по нем ночами сохну!
А мне таких не довелось
Жалеть:
Калек в округе — сотни.

...Огонь, огонь идет по сердцу.
Огонь, огонь! Несет беду!
Стой, гнев-огонь! Гроза, рассейся!
Жаша! Крепись! Ты на виду!..

Конечно, бросилось в глаза
То, что «дебют» не состоялся.
Жаша в кругу один остался.
Нет, — не проносится гроза...

Но вот он подошел к друзьям.
А той шумит. Все обсуждают

Слова Кызый... Тревога... Гам...
Вот и оркестр уж не играет.

Но поднял руку тамада,
Потребовал вниманья властно:
— Не все у нас душой прекрасны!
Есть лес — есть волки... Не беда!

Пускай болтливым и недобрым
Подскажет совесть, как им быть.
А мы наш той теперь продолжим.
И вот веселье вновь кипит...

И той разбег свой продолжает.
Остался в зале и Жаша.
Сожжен обидой, — он не знает,
Как скрыться с глаз. И вот, спеша,

Но звонко хлопая в ладоши, —
Чтобы вниманья не привлечь, —
Пошел он к выходу... А в уши,
Как молотом, бьет злая речь
Кызый...

V

Увлеченные весельем,
Не заметили друзья,
Как Жаша исчез за дверью,
Боль позора затая.

Спохватившись: друг покинул
В огорченьи этот той
В одиночестве — с повинной
Двинулись к нему домой.

Утешали друга грустно.
Зря старались, ни к чему...
И ушли, решив вернуться
Завтра вечером к нему.

Наш Жаша, как был, в одежде,
Рухнул молча на диван —
И встревожены, как прежде,
И Конак, и Татлыхан.

Наконец, родным азартно
Стал рассказывать Жаша,
Как на празднике внезапно
С ним беда произошла...

...Мой читатель! Мне придется
(Правда требует свое!) —
Тайна — явью обернется —
Объяснить тебе ее,

Эту горькую причину,
Что до срока не открыл,
Полагая, что невинно
Тут Жаша наказан был

Злой судьбой... А о несчастье
Говорить я не хотел.

...Но кипят людские страсти.
А слова — острее стрел!

Может, — зря сказал не сразу...
Ну так слушай: наш Жаша,
Хоть лишился в детстве глаза, —
Жил, не очень-то тужа...

Хоть и был всегда ранимым —
Не страдал, зная, потому,

Что соседи и родные
Были бережны к нему.

Ни калечным, ни ущербным
Не считал себя совсем.
Лишь на тое — самом первом! —
Понял он, что — не как все.

— Расскажите, как случилось
Это горе! Ну же, мать! —
Закричал он, ощетинясь,
Не сумев себя сдержать...

Мать заплакала мгновенно.
— Что я помню... Был ты мал...
И тогда Конак смиренно,
Глядя в сторону, сказал:

— Эх, джигит, всегда в народе
Есть глупцы и мудрецы.
А на той ведь все приходят:
Болтуны и подлецы...

Ведь недавно был ты весел,
Шутку умную любя.
Из-за чьей-то глупой спеси
Не трави, сынок, себя!

Пусть Кызый и впрямь красива
И в нарядах дорогих, —
Только недобра, спесива.
И не надо нам таких.

Свое счастье повстречаешь
Ты на жизненной тропе.
Зря здоровье ты теряешь!
Успокойся б тебе!

Что тебе слова глупышек:
Грош цена у слов пустых.
Кто умен и это слышал —
Пристыдили сразу их.

Я сказать тебе обязан
(Ты обязан это знать!):
Что остался ты без глаза —
Виноваты я и мать.

Было так: не помню, — что-то
Я выстругивал ножом.
Рядом ты стоял, работой
Этою заморожен.

Мать была неподалеку
И расчесывала шерсть,
Радуюсь, что все — бок о бок,
Что ты рядом. Что ты есть!

Вдруг с какой-то странной дрожью
Просишь ты меня и мать:
— Папа, мама, дайте ножик.
Сам хочу я построгать...

Был я очень озадачен.
Но, избалован, Жаша,
Ты зашелся горьким плачем,
Домогаясь все — ножа!

Плакал, топал ты сердито,
Обвинял меня и мать...
Но ножа острее бритвы
Я не стал тебе давать.

Все кричал ты. Зло и зычно!
— Что ты мучаешь дитя! —

Мать накинулась привычно,
Упрекая и стыдя.

С плачем бросился на землю
Ты, сынок, — и продолжал,
Никаким словам не внемля:
И просил, и угрожал...

— Что за каменное сердце!
Пустяка боишься! Стыд!
Дай! Он слово свое сдержит:
Ничего не натворит!

Ну, посмотрит лишь немного.
Пусть дитя потешит взор!
Относиться слишком строго
До каких ты будешь пор!..

Вот и пронял нас слезою
Ты, сынок... А нож лишь взял —
Полетел от нас стрелою:
Только пятки я видал!

Ясно, — бросились мы следом
Вместе, оба — я и мать:
Удержать хотели — где там!
Нам мальчишку не догнать!

...Ты лежал в пыли дороги,
Где споткнулся и упал...
Нож вонзился...
И в тревоге, оробев, Конак молчал.

— Что ж, отец, теперь умолк ты?
Мало ль раньше ты молчал?!
Сам меня не уберег ты!
Матери все потакал!

Урезонить ты мальчишку
Озорного не сумел.
Нет, отец! Ты мягок слишком:
Пред ребенком оробел.

А теперь живу, недужен,
Бобылем — и для девчат,
Словно пугало... Не нужен
Никому. Кто виноват?

...Дверью хлопнул — и поспешно
Сын ушел: беда гнетет!
Мать — к нему и безутешно
Слезы старческие льет.

Вот уже рыдает в голос:
— Сын! Само приходит зло!
Прогони из сердца горечь!
Что стряслось — давно прошло!

Горе грудь сдавило камнем
На весь век отцу и мне.
Если б знал, сынок, ты, как нам,
Тяжело сейчас вдвойне!

Глаза нет. Но в том позора
Нет! Лишь глупый человек
Или злобный — мог укором
Это выставить, — поверь.

Стали старыми мы очень.
Ты один для нас — заря!
Помиришь с отцом, сыночек, —
Ветка хрупкая моя!

Сын — ни слова... Дверь неслышно
За собою притворив,

Мать понуро тихо вышла...
Чужд ему ее порыв!..

И Конаку застилает
Боль обиды белый свет:
Сын жесток. Он не прощает
Прогрешенья давних лет.

Если б знал Конак, что вдвое
Тяжелей беда грядет,—
Счел бы бедствие такое
Лишь одной из всех забот.

...Жизнь строга. Беда сурова.
Сердца горестей набат.
Без движения, без слова
Мать с отцом всю ночь не спят.

Лишь к утру потух у сына
Свет — и мать, полна тревог,
Все же прикорнуть решила:
«Он, наверно, тоже лег».

Стариками понемногу
Овладел тяжелый сон.
Может, легкую дорогу
В сновиденьях сыщет он...

Для гонимой всей судьбою
Добродетельной четы?..
Сжался, жизнь: ведь эти двое
Каждым помыслом чисты.

...А Жаша наш, выждав время,
Чтобы сон сморил отца,
Распахнул окно — и темень
Поглотила беглеца.

Он исчез в далекой рощё, —
Чутко крадучись, как зверь.
...Неужели, сон хороший
Снится матери теперь?..

Покидая дорогое,
С детства близкое село,
Сыщет ли Жаша другое,
Что б наполнить жизнь смогло?..

Позабудет ли обиды?!
Обретет ли вновь друзей?
Не покинь, судьба, джигита:
Пусть найдет себя скорей!

...Встал рассвет. Едва ступая:
Не проснулся бы Жаша —
На удачу уповая,
Татлыхан к нему вошла...

И застыла. О несчастье!
Снова горе иль позор!
Ведь окно раскрыто настежь.
Где Жаша? — бежит во двор.

Но нигде не отыскала
(Чего нет — не отыскать!),
Закричала-зарыдала
Перепуганная мать.

И Конак толкнулся в двери —
Никого... К дверям прирос...
И глаза его, не веря,
Заблестели вдруг от слез.

И соседи потрясенно
Узнают (бедняжка-мать!):

Убежал Жана из дома.
Как же тут не горевать?..

От утраты, от страданья
Загустел в глазах туман —
И покинуло сознание
Бедный разум Татлыхан.

В страхе женщины шептались,
Будто в доме умер кто...
Татлыхан вернуть старались
В чувство: каплями, водой...

Вот очнулась. Лица четко
Проступили вдруг сквозь мрак.
И услышала, как горько
Убивается Конок:

— Это горе нелегко нам
Пережить! Стеснило грудь,
Слезы в горле стали комом:
Ни сказать, ни продохнуть...

Увидал, — жена очнулась:
Подобрался, поглядел:
— Я конечно, не гоню вас.
Но у вас немало дел, —
Обратился он к соседкам.

— Благодарствуйте за все.
Но... Хоть зло стреляет метко, —
Время радость принесет,
Я уверен...

Ну, а если
В доме слезы — это грех!

Может статься, — будем с песней
Мы встречать Жашу при всех.

Так отец бодрился, чтобы
Поддержать жену и чтоб
Из безрадостной чащобы
Выбраться к одной из троп...

— Если надо было сыну
Бросить отчие края,
Если нас решил покинуть —
В том судьба ему судья...

...Расходиться люди стали.
Нелегка, невесела, —
Весть потери, весть печали
Все подворья обошла.

В каждой сакле, в каждом доме —
Слухи, толки и слухи...
Ищут парня — кто в затоне,
Кто — по берегу реки...

Неспокойно вечерами:
После всех дневных работ
Ищут в озере баграми
Земляки: а вдруг всплывет?..

Третьи сутки уж упорно
Ищут, ищут там и тут.
Ни в лесу, ни в речках горных —
Ищут-ищут — не найдут.

Радости Конак не прячет,
Всем кивает головой:
— Не нашли его. Так значит, —
Он живой, Жаша, живой!

Лето мчится. Друг за другом
Дни проносятся, спеша.
Не встречал никто в округе
Злополучного Жаша.

Мать измучена тревогой,
Почернев, невесела,—
Все железные дороги,
Все перроны обошла...

Кто уехал, кто — приехал:
Все спешат. И мал, и стар...
Смотрит мать,— а в сердце эхом:
— Из-за вас калекой стал!..

Смотрит, смотрит мать в испуге,
Вдаль глядит: что там вдали?..
А у глаз, что будто угли,—
Тени синие легли.

Целый день глядит все слепо
На вагоны, на народ...
Ни воды, ни крошки хлеба —
Целый день. А сердце — жжет.

Расставания и встречи —
Ей же некого встречать.
Опустился теплый вечер:
В дом родной вернулась мать.

Тих Конак, но — нет покоя.
Как немая — Татлыхан.
Вот уж волосы обоих
Выбелил навек туман.

Встрепенулась мать: гадалка!
Надо к ней! — Где мальчик мой?..

Нагадала та (иль жалко?!),
Что вернется сын домой.

И на камушках гаданье,
И на картах... Что поймешь?!
Благодарна Татлыхан ей:
— Если лечит ложь — не ложь!

Через год случилось чудо:
Через год всего — в село
Им неведомо откуда
От Жаши письмо пришло.

А потом еще... Не просто
Было почерк разобрать.
А на штампе — Кисловодска
Чуть заметная печать.

В Кисловодск — недалкий город
Так спешили, — как могли!
...Зря потратили свой порох:
Сына так и не нашли.

Поплутав средь пыльных улиц, —
Не найдя Жаша следов,
Удрученные, вернулись
В опечаленный свой дом.

Но — дождались! — был им выслан
Из милиции ответ:
Сын прописан в Кутаиси.
Отыскался все же след...

Рада мать: живого сына
Суждено ее глазам
Увидать! Беды вершина —
Позади. Все слезы — там.

А теперь — скорей, скорее —
В дальний путь.
И — дом вверх дном:
Так, как будто не успеет,
Собирается... Вдвоем
Завтра выедут с рассветом!
...Аульчане к ним спешат,
И гостинцы, и приветы
Приготовив для Жаша.

И Конак под нос бормочет
Песни радостной слова.
Мать — у печки все хлопочет,
Засучивши рукава.

Все загружены конфорки.
Кур, зажарив докрасна,
И лакумов вкусных горку
Заготовила она.

Завернула в шелк багряный
Мать гостинец от себя.
Два тяжелых чемодана
Встали, сердце веселя.

После маленькой заминки,
Все ж, — решимости полна, —
Доложила две бутылки
Первосортного вина.

Вот и полночь. Мать устала.
Спать легла — но нету сна...
Отвернула одеяло,
Подошла к окну она.

Силы матери иссякли:
Не щадила ведь судьба!

Ловкость вышила по капле:
Руки слабы, речь слаба...

Ночь длинна... Но ждет начало
Светлой в жизни полосы!
...Утро светлое настало,—
Все — в сиянии росы.

Татлыхан торопит строго
Мужа: — Скоро ль? Путь далек!..
Деньги, взятые в дорогу,
Прячет бережно в чулок...

Заглушив в груди тревогу,
Не держав в душе обид,
Вышли в дальнюю дорогу:
В Кутаиси путь лежит.

И оранжевый автобус
По душе им. Как на грех,—
Мало места в нем, а то бы
Земляков забрали всех!

По асфальтовой, по черной
Трассе — мчит их вдаль экспресс.
По бокам дороги дальней
Лишь звенит листвою лес.

В этой дали неоглядной
Столько солнца! Столько гроз!
...Вот до станции Прохладной
Их автобус и довед.

Вот примчался дальний поезд,
У вокзала сбавив ход...
Продолжаем нашу повесть:
Поезд в Грузию идет.

Вот Конак с женой смущенной
Заняли свои места,
Поезд тронулся зеленый:
Цель близка. Мечта чиста!

«Ско-ро, ско-ро,
Ско-ро, ско-ро»...
Выбивает стук колес.
Набирает поезд скорость,
Машет ветками откос.

Перегонами крутыми,
Серпантинном — вдаль и вдаль...
Верят старые: отныне
Позади для них печаль.

В Кутаиси — город шумный —
Въехали... Гудит вокзал —
Улей жизни многодумной,
Многоликой... Вышли в зал,
Огляделись, разобрались,
В город вышли — ярок свет!
И кварталы распластались!
Кто в них — есть? Кого в них —
нет?..

...Только к ночи отыскали
Дом, где сын их проживал.
Трепеща, у двери стали...
И звонок — заверещал!

— Кто? — спросил нетерпеливо
Голос чистый, словно трель.
Молода, стройна, красива —
Женщина открыла дверь.

— Это мы... — И рассказали,
С чем явились в этот час,
Разбавляя и слезами,
И улыбками — рассказ.

Тихий, в зелени и чистый, —
Дом пришелся по душе
Старикам...
Тут поселился
Сын на третьем этаже.

А хозяйка по приходе
Вот поведала о чем:
Что Жаша их — на заводе,
С братом девушки вдвоем.

Рассказала все сначала —
И толкова, и тиха.
Одного лишь не сказала:
Что сама-то им — сноха.

...Вот и вечер. Оба парня
Возвратились вместе в дом:
Дух идет от печки парный,
Видят — гости за столом.

Обнялись, — кляня разлуку.
Стало старикам легко.
Пожимают они руку
Благодарно Шалико.

Дружба — нет священной дара,
Отношений нет честней!
...Щедро потчует Тамара
Дорогих своих гостей.

Вся пятерка, словно в сказке,
Собралась, и каждый — рад:
По-грузински, по-балкарски
И по-русски говорят.

Дружбой родственной объята,
Говорят — не надоест...
Как бродяжил сын когда-то
Невдали от этих мест,

Как порою голодал он,
Был ночлегом обделен,
Как случилось, что — не даром! —
В этот город прибыл он...

Тут нашел привет сердечный
На заводе... Не легко
Был он принят в цех кузнечный,
Под начало Шалико.

От побега — до успеха
Дни нелегкие лежат...
...Шалико — начальник цеха —
Стал ему и друг, и брат.

И Жаша поведал вскоре
(Шалико — раскрылся — весь!),
Как его постигло горе:
Как он из дому исчез...

Шалико тогда ответил
(Очень верные слова):
— Одолела этот ветер
Молодая голова.

А теперь твой путь — к победам!
К постижению мастерства,—

И заветное поведал:
— Хороша моя сестра.

И в труде — не подкачала!
После школы городской
На завод пришла — и стала
Через год — передовой!

Были б вы хорошей парой...
Познакомил их — с сестрой —
И связал судьбу с Тамарой
Парень этой же весной.

У нее — глаза сияют.
А ресницы так длинны!
Брови тонко оттеняют
Кожу лунной белизны.

Словно зорька в синей выси,
Бело-розова, светла.
Нет стройнее в Кутаиси,
Хоть и ростом не взяла.

Татлыхан, лицом сияя,
Все глядит исподтишка:
Расторопная какая!
Вот была бы ей сноха!

Что краса Кызый в сравненьи
С ней — поблекла, нету слов!
Хоть там больше украшений,
И нарядов, и обнов...

...За столом широким — речи,
Шутки, тосты, добрый смех...
Ах какой счастливый вечер!
Как блестят глаза у всех!

Теплый, нежный вечер южный.
Отошел к горам туман.
Вечер встречи самой нужной
Греет сердце Татлыхан.

Вот, в разгаре разговора,
Размягчился, сын душой:
Матери сказал, что скоро
Будет девушка снохой
Ей единственной... Тамара
Раскраснелась... Шалико
Улыбается. У старых —
На душе совсем легко!

Как на свадьбе комсомольской
В прошлом месяце, — Жаша
Обнял тут свою березку —
И целует, не спеша...

С Татлыхан такое редко:
Поднялась — и сразу — всласть
Обняла Тамару крепко —
И целует, вся светясь...

Вестью той душа согрета,
Взгляд теплеет у отца.
Отогрела радость эта
Их остывшие сердца.

Жить иначе им отныне —
Без печали, без тоски.
Словно стали молодыми
Вдруг от счастья старики.

И болтают, и смеются,
Словно в молодые дни...

Как в село Жаше вернуться, —
Совещаются они.

Но Жаша вдруг виновато
Посмотрел на Шалико:
Как же клятвенного брата
Здесь оставлю одного?

Хоть давно уже по дому,
По селу — болит душа:
— Друга за сердце затрону! —
Сомневается Жаша.

Он вернется в дом, конечно,
И жена уедет с ним...
Но единственный, сердечный
Брат останется один...

Тут Конак, прогнав смущенье,
Шалико спросил:
— А все ж, полагаю, — сам к
решенью
Справедливому придешь?!

Брат ответил: — Все мы знаем,
Что навек у нас одна
Словно мать, земля родная,
И, где муж, там — и жена.

Молодые без смущенья
Уезжают вместе пусть.
А глядишь, — настанет время —
К вам и я переселюсь.

Что загорье, что — предгорье —
Всё — земля страны одной:

Те же песни, те же — зори.
Все края — наш край родной.

Там работа. Тут работа.
Наши люди — там и тут.
Пароходы, самолеты
Куда хочешь, — привезут.

Где супруг — там и супруга.
А разлука, — что она?!
Лишь бы помнить друг про друга.
Мы теперь — семья одна!

— Это правильно ты судишь.
Мы родные, это да!
Мы теперь такие люди —
Друг без друга никуда! —

Подтвердил Кошак. — Простая
Правда тронула его,
Очень мудрым он считает
Дорогого Шалико.

...Был отъезд семьи отмечен
Тоем — что за славный той!
В тот прощальный добрый вечер
К ним весь цех пришел домой.

Вот Жаша, в дареной бурке,
Тост прощальный говорит.
А Тамара все на руку —
Время уточнить — глядит...

Чтобы знала: молодые
Годы забывать нельзя —
Подарили золотые
Часики ее друзья.

...Расходятся гости стали.
Перед тем же, как уйти, —
На прощанье пожелали
Всем счастливого пути...

И зовет невестка мамой
Татлыхан...
Отцом — отца
Мужа своего... Тамара —
Очень умная сноха.

Предстоит еще ей вскоре
Завоевывать село...
А пока что в разговоре —
Радость встречи — от всего:

Обсуждают, — как родные
И соседи к ним придут.
А потом — пути прямые
Молодым: тут ждет их — труд!

Всё работа выявляет:
Где черно, а где — бело...
Машзавод их ожидает,
Ждет рабочих рук село.

День грядущий — полон света.
Им в любви и счастье жить!
Пусть зима у них — на лето
Будет вечно походить!

Мир устроен лишь отчасти
Бестолково... Мой земляк!
Непростое свое счастье
Заслужил ты, друг Конак!

СОДЕРЖАНИЕ

I

Река и родник. Перевод В. Цыбина	7
Туман. Перевод В. Цыбина	8
Под цветущими каштанами. Перевод Р. Романовой	10
Жизнь. Перевод Р. Романовой	12
Старое дерево. Перевод Р. Романовой	14
И вновь — весна. Перевод Р. Романовой	16
Гул реки. Перевод Р. Романовой	18
+ Воспоминание. Перевод Р. Романовой	20
Туры. Перевод Р. Романовой	22
Ласточка (Легенда). Перевод Р. Романовой	25
Разговор с зимой. Перевод Р. Романовой	28
Змея и муравьи. Перевод Р. Романовой	29
Иноходец. Перевод Р. Романовой	31
Мишеген. Перевод Р. Романовой	33
Два дерева. Перевод Л. Сушковой	36
«И поскользнулся на узкой тропинке...» Перевод Л. Сушковой	38
Мосты. Перевод Л. Сушковой	39
Главный тост. Перевод Л. Сушковой	40
Старый Мурат. Перевод Л. Сушковой	41
Пешка. Перевод Л. Сушковой	42
Темирказак. Перевод Л. Сушковой	44
«Прохладою вершин...» Перевод Л. Сушковой	46
Топор. Перевод Л. Беловой	47
+ Разговор с Хуламской башней. Перевод Л. Беловой	48
Сон. Перевод Л. Беловой	51
Если б добился народной любви. Перевод Л. Беловой	52
Железный секретарь. Перевод Л. Беловой	54
Пожелания (Баллада). Перевод Л. Беловой	56
Аслижан. Перевод Л. Беловой	58

II

+ В небе среди ярких звезд. Перевод Л. Беловой	65
«Как хорошо...» Перевод Л. Беловой	66
«— Танцует детвора...» Перевод Л. Беловой	67
+ Ты помнишь? Перевод В. Цыбина	68
Влюбленные наскоро. Перевод В. Цыбина	70
+ Газели. Перевод В. Цыбина	72
Красивая женщина. Перевод В. Цыбина	84

Выбирающему девушку. <i>Перевод В. Цыбина</i>	86
Сношенька. <i>Перевод В. Цыбина</i>	88
Али и Аслихан. <i>Перевод В. Цыбина</i>	89
+ Белая голубка. <i>Перевод Р. Романовой</i>	95
Вечером у берега моря. <i>Перевод Р. Романовой</i>	97
«Гуляет свадьба...» <i>Перевод Р. Романовой</i>	99
«Когда тебя нет...» <i>Перевод Р. Романовой</i>	101
Спокойной ночи! <i>Перевод Р. Романовой</i>	102
Вдаль глядят мои глаза (Песня). <i>Перевод Р. Романовой</i>	103
«Мое письмо...» <i>Перевод Р. Романовой</i>	104
«Не ревнуй, дорогая...» <i>Перевод Р. Романовой</i>	105
Твой голос. <i>Перевод Л. Сушковой</i>	106
Два берега. <i>Перевод Л. Сушковой</i>	108
Есть ли в мире кто, тебе подобный? <i>Перевод Л. Сушковой</i>	110

III

«С каждой смертью на земле...» <i>Перевод В. Цыбина</i>	113
Вечный Огонь. <i>Перевод В. Цыбина</i>	114
Равнина Фызы. <i>Перевод В. Цыбина</i>	115
Наша Родина. <i>Перевод В. Цыбина</i>	118
О моей учительнице и о себе. <i>Перевод В. Цыбина</i>	119
Мадинахан. <i>Перевод В. Цыбина</i>	122
Эффенди. <i>Перевод В. Цыбина</i>	126
Заботы ветеранов. <i>Перевод В. Цыбина</i>	128
Вслед за временем. <i>Перевод Р. Романовой</i>	130
+ Книжки — собеседники мои. <i>Перевод Р. Романовой</i>	131
В новом коше. <i>Перевод Р. Романовой</i>	133
Пятнадцать богатырей. <i>Перевод Р. Романовой</i>	135
Плачущая «Свобода». <i>Перевод Р. Романовой</i>	137
Клятва братьев. <i>Перевод Р. Романовой</i>	139
«Доныне бьет в сердце...» <i>Перевод Р. Романовой</i>	141
+ Красные маки. <i>Перевод Р. Романовой</i>	142
Баллада об орле. <i>Перевод Р. Романовой</i>	144
+ Печальные клены. <i>Перевод Р. Романовой</i>	146
Ответ мудреца. <i>Перевод Р. Романовой</i>	148
+ Четверостишия. <i>Перевод Р. Романовой</i>	149

IV

Счастье кузнеца (Поэма). <i>Перевод В. Цыбина</i>	153
---	-----

Гуртуев Б. И.

Г 957 Чаша дружбы : Пер. с балк. Стихи и поэма. — Нальчик : Эльбрус, 1985. — 200 с.

В пер.: 90 коп. 1500 экз.

Берт Гуртуев — один из старейших балкарских литераторов, народный писатель Кабардино-Балкарии. Книга приурочена к 75-летию автора.

Г 4702100000-096 — 39-85 С(Балк)2
М 125(03)-85

Берт Иеманлович Гуртуев

ЧАША ДРУЖБЫ

Редактор *А. С. Кайданов*

Художник *М. Т. Кипов*

Художественный редактор *Ю. М. Алиев*

Технический редактор *С. А. Мусукаева*

Корректоры: *Е. Е. Терушкина, Л. И. Ким*

ИБ № 1280

Сдано в набор 31.07.85. Подписано к печати 13.09.85.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура
обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,31.
Усл. кр.-отт. 7,46. Уч.-изд. л. 6,55. Тираж 1500 экз.
Заказ № 6897. Цена 90 коп.

Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Госкомиздата КБАССР

Нальчик, проспект им. Ленина, 33